

ВЯЧЕСЛАВ
ШАЛЬГИН

ЭКСМО

Абсолютный воин

Вячеслав Шалыгин

Взгляд сквозь солнце

«ЭКСМО»

2000

Шалыгин В. В.

Взгляд сквозь солнце / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,
2000 — (Абсолютный воин)

ISBN 5-04-007269-4

Если у большинства людей все дороги ведут в Рим, то у Эрика и Красавчика, неутомимых частных детективов и борцов с чертовщиной на территории нашей великой Родины, все они ведут в космос. И новое дело, начавшееся с загадочных сновидений вполне заурядного гражданина Василия Сюртукова, — не исключение. В процессе расследования обнаружилось ни много ни мало — целая планета, находящаяся от Земли по ту сторону Солнца и к тому же готовящаяся захватить свою соседку по звездной системе.

ISBN 5-04-007269-4

© Шалыгин В. В., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Часть I	5
1	5
2	15
3	19
4	24
5	29
6	33
7	39
8	44
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вячеслав Шалыгин

Взгляд сквозь Солнце

Часть I

1

– Что странно – я не чувствую облегчения, – заявил Красавчик, когда мы покинули здание оздоровительного комплекса. – Сауна, джакузи, ванны с какими-то вонючими, но прекрасными лепестками экзотических цветов... К чему все эти ухищрения, если нет никакого эффекта?

– Ты просто неодушевленный человек из ледникового периода, – ответил я. – Твоя ванна – прорубь в шельфовых льдах Баренцева моря.

– В те далекие времена у моря еще не было никакого названия, а с континента на континент можно было перейти пешком. – Красавчик мечтательно вздохнул. – Золотое было время...

– Ты закатываешь глаза, словно способен все это вспомнить. – Я скривился. – Приступы генетической памяти?

– Эх, друг мой Эрик. – Красавчик похлопал меня по плечу. – Конечно же, я ничего не помню, да и не хочу. Невежество – такая благодать! Разве ты до сих пор этого не понял? Какую пользу принесло тебе знание того, что человечество произошло не только от обезьян, но и от волков, атлантов и древних людей как таковых? Эмиграцию из теплых краев в вечно заснеженную тайгу? Не думаю, что ты в восторге от местного климата, да и дел для частных сыщиков здесь несравненно меньше. Не будь мы специалистами по различным аномальным правонарушениям, то скончались бы от скуки в первый же месяц... А твой экскурс в многомерное пространство Бездны, что он дал тебе, кроме периодических ночных кошмаров и множества врагов среди людей с темными душонками? Или перевоплощение в атланта, покрытого роговым панцирем и шишками по всему черепу... Ты обрел в связи с этим прозрение? Нет, гражданин сыщик, умнее ты не стал, а приобретенный жизненный опыт, возможно, никогда больше не пригодится. Так зачем тебе, вполне состоявшемуся частному детективу, все эти переживания? Нет, я прав, причем трижды – невежество благодно!

– По тебе видно, – скептически прищурясь, ответил я. – Ты домой?

– О нет! – Красавчик махнул в мою сторону сразу двумя руками. – Дома меня ждет такая встряска, что я лучше сделаю обманное движение и проведу ночь в конторе...

– Я тебя не узнаю. – Я открыл нашу машину на антигравитационной подушке и уселся за штурвал. – Где твоя былая хватка? Я не помню, чтобы женщины задерживались у тебя дольше чем на ночь. Что заставило тебя сделать уже почти трехмесячное исключение для этой юной особы?

– Иногда я просто физически не могу тебе врать, – признался Красавчик. – Это как раз та ситуация. Кажется, я не в состоянии ничего с собой поделать. Понимаю, что случай клинический, но все мои попытки выпроводить ее за дверь натываются на отчаянное сопротивление ранее неизведанной части души. Заметь, это доказывает мою несомненную одушевленность. Как бы ты ни хотел убедить меня в обратном...

– Как она тебя терпит? – Я вздохнул. – Болтаешь, словно заводной, шляешься по саунам, пропадаешь на работе целыми сутками. Я бы на ее месте сбежал на второй неделе...

– Слава богу, что мы с тобой не страдаем склонностью к людям одного с нами пола.

– Тьфу на тебя...

– А как абсолютно тот же набор недостатков терпит твоя Ирочка?

– Она работает с нами, ты забыл? Частично мы прямо на рабочем месте можем удовлетворить потребность в общении...

– Вот как?! Надо будет просмотреть записи внутренних телекамер, – живо отреагировал Красавчик.

– Это не то, о чем ты подумал, – возмущенно парировал я. – Мы просто разговариваем...

– Да я так и подумал. – Напарник поднял на меня невинный взгляд.

– Только разговариваем, – повторил я.

– Да я понял, понял. – Красавчик ехидно оскалился.

– Ладно, – я вздохнул, – тебя легче убить, чем переубедить. Что у нас за проблема? Ты же не напрасно затащил меня в эту глушь?

– Пригород, – поправил напарник.

Он некоторое время выдерживал паузу, но, видимо вспомнив, что на меня его театральные приемы особого эффекта не производят, продолжил:

– Из глубоко законспирированного источника поступил сигнал. С противоречивыми установочными данными, но очень похожий по скрытому в нем подтексту на правду. Я не слишком туманно излагаю?

– Слишком. – Я не стал отрицать очевидное. – Пока я не понял ни слова...

– Снова начались странности, друг мой Эрик, однако на этот раз они совсем не похожи на происки наших старых знакомых.

Поскольку Красавчик внезапно стал чрезвычайно серьезным, я понял, что прелюдия окончена и все сказанное им далее будет важным и конкретным. Еще заканчивая предыдущую работу, мы выяснили, что нам, как специалистам по раскрытию самых странных, граничащих с мистикой преступлений, не хватало разве что уголовного дела, где в роли главных подозреваемых выступали бы пришельцы. К сожалению или к счастью, до чужаков мы пока не докатились, но во всем остальном преуспели весьма. Не скажу, что это было невыгодное или убыточное предприятие. Благодаря нашему первому совместному расследованию мир получил в свободное пользование принцип действия антигравитационной подушки, а мы – немалые прибыли. Второе закончилось созданием телепортирующей системы, обнародовать существование которой мы пока не спешили, но сами эксплуатировали ее с большим удовольствием. Так что к странностям нам было не привыкать, однако Красавчик всем своим видом показывал, что «сигнал» вовсе не такой рядовой, как большинство чаще всего ложных сообщений о НЛО, снежном человеке или злых духах золотиносных приисков. Тарелки обычно летали перед глазами наблюдателей, когда те находились в состоянии глубокого похмелья, а мохнатые лешими на поверку оказывались опустившиеся до скотского состояния бродяги. То же можно было сказать и о «злых духах», которые выкашивали ряды старателей. Они пили с жертвами до определенного момента за одним столом, а потом хватались за топор и, оставшись в результате избиения собутыльников без свидетелей, валили все на нечистую силу. Таким образом, львиная доля дел оказывалась самой банальной «бытовухой» или фальсификацией. Наш сыскной талант ржавел, и, если бы не постоянные провокации из враждебного мира Бездны, мы могли действительно умереть от скуки. К счастью, ни Апостол Северных территорий, ни его подручные о нас не забывали, и мы периодически вылавливали десяток-другой граждан, одержимых существами из многомерного пространства. Эти случаи помогали нам поддерживать форму и престиж фирмы. О нашей конторе шла народная молва как о единственном на Земле и за ее пределами сыском агентстве, решающем совершенно невообразимые задачи. Начиная от поимки любого, самого неуловимого, террориста и чуть ли не до снятия порчи и сглаза с орбитальных станций. Переубедить наивных поклонников мы не могли, а потому и не пытались.

Теперь, если моего напарника не подводила его обычно безотказная интуиция, нам попалась пара-тройка зерен в целом элеваторе плелел. Я воздержался от запуска двигателя и устался на Красавчика:

– Что за сигнал?

– Поступившее сообщение содержит эпизод из жизни некоего Василия Андреевича Сюртукова, – раскрывая кожаную папку, важно сказал напарник, – эстетствующего интеллигента...

– Сразу в урну, – перебил я Красавчика.

– В отставке! – повысив голос, закончил напарник. – Теперь он взялся за ум обеими руками и трудится торговым представителем в приличной буржуйской конторе. Случай сложный, но подтвержденный фактами и документальными свидетельствами. Зачитать фабулу?

– Давай уж целиком, – разрешил я.

– Излагаю! – торжественно заявил Красавчик и раскрыл документ на первой странице...

«Странности. Сплошные странности и недоразумения. Избыток жизненных сил и идей, при полном отсутствии возможностей для их реализации. Разве не странно? Кто или что не дает воплотить их в жизнь? Да сама эта жизнь и не дает! Дорога открыта для вырожденков и каких-то форменных негодяев. Интеллигентным и тонким натурам приходится влачить, да, буквально влачить, нищенское существование. Если ты не нахрапист и пока еще имеешь остатки совести – ты никто! Ничего тебе не добиться и не урвать. Никто не оценит твоего ума и высокой эрудиции. Кому они нужны в обществе, ослепленном жаждой наживы и сомнительных удовольствий? Даже, казалось бы, заведомо приличные люди из солидных покрыты омерзительным слоем криминальной ржавчины. Они готовы принять и понять ход мыслей умного человека, но исключительно в деловом плане. Их чистосердечное стремление помочь на бумаге выглядит как «чисто сердечная» эксплуатация, с последующим втоптыванием незаурядной личности в самую жирную грязь...

Именно так, отдельно и с протяжным ударением на гласных: «чисто сердечная»...»

Василий Андреевич Сюртуков потянулся и, возмущенно зевнув, перевернулся на другой бок. Диван скрипнул довольно мерзко. Василий в сотый раз за ночь тяжело вздохнул и лег на спину. Единственный друг скрипнул снова. Сюртукова предательство дивана уже не расстроило. В последнее время вокруг скрипели все, кого он знал. Жена, друзья, кредиторы. Все чего-то от него хотели, все выгоняли его на работу, но никто не предлагал ничего прибыльного или, по крайней мере, нетрудоемкого. Ему, умнейшему организатору! Прирожденному руководителю среднего звена! Василий всегда был скромен и знал себе истинную цену. Ни о каких нефтяных холдингах или транснациональных корпорациях он не мечтал, но трудиться инженером, как того требовал покрытый пылью диплом, или мелким предпринимателем было просто не достойно его способностей.

В темноте и тишине ночи были ясно различимы сонные шорохи наверху. Там никак не могли уgomониться соседи. Сюртукову казалось, будто они что-то обсуждают, сидя в постели. Он прислушался и вдруг понял, что соседи упомянули его фамилию. «Вот ведь сволочи! – Василий открыл глаза и подтянул одеяло к подбородку. – Поговорить больше не о ком?!» Василий знаком с соседями не был, но это только придавало их пересудам еще более отвратительный характер.

«Что мне нужно от жизни? – размышлял Василий, продолжая барахтаться в пучине обычных круглосуточных переживаний. – Тысяч двадцать заокеанских денежных единиц да машину... Нет, лучше пятьдесят, а машину можно будет купить потом, позже... Ага, куплю, и придется заполнять декларацию... А как я обосную, где взял деньги? Нашел? Да, точно... Весна, знаете ли, снег тает. Вот угол того дома, вот тот сугроб. Иду спокойно, вдруг... Вы не поверите! Из-под снега – фантики всякие, мусор и среди этого безобразия пакет! Серая бумага, перемотан скотчем, но я же вижу – не бомба. Точно – не бомба! Ну, уголок у пакета

надорван, и видно, что в нем деньги. Плотно так упакованы, тщательно! Повезло! Что тут скажешь? Поднимаю и иду домой. Там пересчитываю – бог ты мой! Двадцать тысяч! Нет, тогда уж тридцать! А машина? Лотерея? Точно! Покупаю билет, проверяю в воскресенье и не верю глазам – «джекпот»! А в нем к тому времени столько накопилось, что не придумать и даже во сне не увидеть! Ну, я куда? В фирменный центр, конечно! Бордовый, новенький, в улучшенной комплектации! «Паджеро», нет, лучше «Лендкрузер»! Точно! «Сухопутный крейсер»! Как звучит, как звучит! Музыка странствий! А откуда деньги? А вот – налогом выигрыш не облагается! Утретесь все! Оформляю – и по прямой в казино! Нет, обдерут... Мне что, деньги не нужны? Нет, покупаю хорошего вина, водчонки, цепляю пару, нет, тройку девиц, и в сауну. Хотя зачем? Это же будет летом. На природу. Романтика! Луна, костер, в его отблесках сверкает бордовый капот, из распахнутых дверок гремит музыка, танцы... В смысле – раздевание под музыку, ночные купания неглиже... Ну, и все прочее...»

Мечты окончательно прогнали сон и подстегнули вялую сердечную мышцу. Василий почувствовал, как кровь разгоняется до скорости заветного внедорожника и приливает к лицу. Перед глазами промелькнули аппетитные формы незнакомых женщин, кожаное сиденье машины, светящаяся разноцветными огоньками приборная панель и небрежно валяющийся на заднем сиденье пистолет системы то ли Макарова, то ли фирмы «Карл Вальтер».

«Без «ствола» в наше время никак. Неинтеллигентно, конечно, но кому это объяснишь, когда вокруг одни скоты? С ними же только так и можно разговаривать! Что им ум и талант? Пока не сунешь в нос «пушку» – ничего не поймут! «Что, очкарик, приехали?» – скажет такой гад, а я ему: «Отвали!» Он – за пазуху, а ему – раз и в лоб. Не стреляю, конечно, нет. Просто приставлю между бровей и переспрошу: «Есть вопросы?» Он, конечно: «Нет, я, чисто, ошибся», а я ему пинка под зад! Хотя... Нет, зачем из машины выходить? Я ему, я ему...»

Придумать окончание истории Василий не успел. Предатель-диван закрипел в совершенно неподобающем ритме. Сюртуков удивленно приподнял голову и осмотрелся. Шевелиться он даже не собирался, но диван продолжал скрипеть, как заведенный. Жалобные постанывания ржавых пружин постепенно превратились в пронзительный визг, и Василий почувствовал, как покрывается холодным потом. Стены комнаты плыли против часовой стрелки, словно их кто-то размешивал чайной ложкой. Сюртуков хотел вскочить на ноги, но страх парализовал его тело и, главное, волю. Его закаленную неудачами и спрессованную грузом несправедливости, железную, несгибаемую волю! Василий мужественно приподнял крестец, потом напряг левую ногу, а правую спустил на пол. Как ни странно, ступня до пола не дотянулась. Сюртуков боязливо поджал конечность и сосредоточился на попытках сесть. Стены продолжали свой круговорот, и потому садиться было так же тяжело, как и двигать ногой. Даже тяжелее. Василий еще несколько минут упорно боролся со странной каруселью, но в конце концов расслабился и затих. «Надо подождать, – решил он, испуганно тараща глаза в темноту. – Пройдет. Ничего, пройдет...»

Проходило медленно. Стены комнаты постепенно замедлили свой бег по кругу и начали истончаться, превращаясь в грязно-зеленую ткань. Диван внезапно заткнулся, и Василий с удовлетворением вздохнул. Темнота отступала вяло, но неуклонно. В комнате серыми тенями играли сумерки, а бормотание соседей сверху слилось в далекий рокот какой-то машины. Сюртуков собрал волю в кулак и вновь попытался сесть. На этот раз все вышло как нельзя лучше. Он резко уселся на постели и протер глаза. В комнате было холодно, пахло мужским потом, какой-то краской и... порохом. Василий знал этот запах. Он не однажды ездил на охоту, да и много лет назад его не миновали институтские военные сборы. Правда, он никак не мог сообразить, откуда этот запах появился в его комнате. Василий пошарил рукой по прикроватной тумбочке, и вдруг в его палец впилась огромная заноза. Сюртуков вскрикнул и отдернул руку. Это казалось невероятным, но он готов был поклясться, что вместо тумбы от польского гостиничного гарнитура в изголовье дивана стоит простой деревянный ящик! Василий снова протянул

руку и медленно нащупал лампу. Ее форма была прежней, в виде старинной «керосинки», но на ножке не оказалось кнопки. Вместо электрического выключателя Сюртуков нащупал только торчащий из корпуса лампы винт. Заинтересовавшись метаморфозами осветительного прибора, Василий принялся ощупывать его более тщательно и не заметил, что в помещении стало почти светло. Рассвет позволил ему окончательно разобраться с загадочным светильником, и открытие его просто поразило. У лампы не было положенного электроприбору шнура. Более того, ее стекло было закопченным и воняло чистейшим керосином. Сюртуков растерянно заглянул внутрь плафона и вместо лампочки обнаружил обгоревший фитиль.

Пальцы Василия ослабли, и «керосинка», брякнув о край ящика, упала на земляной пол. – Ты чего буйнишь? – недовольно пробурчал хриплый, сонный голос за спиной.

Сюртуков резко обернулся и сел на край ящика. Вместо стен любимой комнаты вокруг колыхались грязные стенки обычной брезентовой палатки. Исчезли стеллажи с книгами по натурфилософии и старый телевизор. Вместо скрипучего дивана на восьми кирпичках стояла безногая койка, а ближе к входу, там, где в комнате Василия всегда располагалось окно с зеленоющей на подоконнике геранью, стояли пустые снарядные ящики и валялся какой-то хлам.

Голос слышался из угла справа. Там зеркально постели Василия расположилась еще одна кровать на кирпичной основе. Из-под человека, лежащего на ней прямо в одежде, выглядывал полосатый матрас без простыни, свернутый с одного края так, чтобы одновременно служить спящему подушкой. Незнакомец, не открывая глаз, причмокнул и пошевелился, устремившись на скрипучей кровати поудобнее. При этом он поправил прижатый к груди автомат с подствольным гранатометом. После продолжительного ерзанья он перевалился на бок и зажал приклад оружия между коленями. Василий почувствовал, как замирает его недавно так приятно бившееся сердце, и опустил взгляд вниз, осматривая свою одежду. Он понял, что одет в точно такие же, как на спальном, бушлат и штаны. Поверх формы был наброшен тяжелый бронжилет, в кармашках которого поблескивали патронами полные магазины. Василий не глядя пошарил дрожащей рукой по своей кровати и нащупал холодный ствол автомата. Все еще не веря, что это происходит на самом деле, Сюртуков ущипнул себя за подбородок и обнаружил, что ему больно, да к тому же он небрит. Причем, судя по длине щетины, уже не меньше недели. Совершенно растерявшись от этого абсурдного факта, Василий натянул лежавшие до того на ящике грязные носки и сунул ноги в ботинки. Обувь оказалась не только по размеру, но она была хорошо растоптанной и прекрасно повторяла все изгибы сюртуковских ног. Едва он успел зашнуровать второй ботинок, как полог палатки распахнулся и в просвете появилось одутловатое лицо командира отделения. Василий откуда-то прекрасно знал, что этого зверя в человеческом обличье звали Гоша и числился он именно командиром отделения разведчиков. На голове Гоши был завязан платок, а в крепких зубах перетиралась вечная жвачка. Красно-голубые от недосыпания глаза сержанта были обрамлены воспаленными веками с белесыми ресницами. Он строго посмотрел на Василия, потом на его соседа и поманил Сюртукова пальцем.

Василий совершенно инстинктивно натянул на макушку вязаную шапочку и, прихватив автомат, выбрался из палатки. Оторопь и непонимание происходящего внезапно улетучились, и Сюртуков с головой окунулся в новую для него жизнь...

– Дело, Сюртук, на сто миллионов, – негромко сообщил сержант. – Пацанам не по зубам будет... Надо сделать особо чисто...

– Ну, надо так надо, – весело откликнулся Василий, подражая интонациям артистов из рекламного ролика. – А, чисто, что за дело?

Гоша оскалился и пояснил:

– Караван-сарай на окраине села видишь? Ну, вон тот, без крыши...

Василий приложил к глазам предложенный сержантом бинокль и навел его на большое каменное здание у самого края населенного пункта.

– Ну...

– Загну. – Гоша отнял бинокль и сложил его в футляр. – От него ход начинается. Подземный. Угадай, куда он ведет?!

– В овраг?

– Вот именно! Сведения – точнее не бывает. Соображаешь?

– Чего?

– Ты острием бревна не прикидывайся! В овраг, Вася! Понимаешь? В овраг! Ныряем в подземный ход, заползаем в тыл противнику, берем главного – и обратно. Звезды Героев и все такое нам гарантированы!

– Я пойду еще посплю?

– Ты мне не веришь?!

– Верю, Гоша, только если у тебя загорелись в жопе говны, это еще не значит, что твоя болезнь заразит всех остальных.

– Да не у меня это загорелось! Комбат приказал. Просто больше отделения туда не проберется. Ну и добровольцы нужны, а ты не знаешь, что ли, как это обычно делается? На хрена мне сопливые «срочники»? Их ко мне добровольно-принудительно прицепят, а они всю вылазку сорвут. Смотри за ними, как за младенцами, оглядывайся каждые пять секунд! Я тоже не бессмертный, чтобы задницей вперед в разведку ползать...

– Что хоть за сведения у тебя? – колеблясь спросил Василий.

– Пять джипов с патронами сегодня по оврагу должны пройти. Железо врагам привезут, раненых заберут – и сразу обратно... Если все пять просто гранатами закидаем – по кресту получим, если притащим кого из авторитетов – нам с тобой по Звезде. Зуб на откуп...

– Сдались мне эти побрякушки. – Сюртуков разочарованно сплюнул.

– Да ты что, не проснулся до сих пор?! – Гоша ткнул его кулаком в плечо. – На джипах знаешь кто поедет? Торгаши! Они, когда железо свалят, назад поедут с бабками! Упакованы будут под завязку. А мы же не обязаны их гасить именно на пути туда. Подождем, когда поедут обратно, и уж тогда...

– Умеешь ты убеждать, – мгновенно пошел на попятную Василий. – Пока не рассвело, надо двигаться. Кто еще пойдет?

– Федор, Миха да Косой, больше некому, – ответил сержант.

– Хватит, – алчно сверкнув глазами, согласился Василий. – На пятерых барыш раскидать не жалко, но если на больше – будет перебор. Сколько повезут, не знаешь?

– Я же не бухгалтер, – ответил Гоша и снова оскалился в желтозубой улыбке.

– Косой, отползай! – крикнул Гоша, поливая свинцом противоположный склон оврага.

Автомат в руках сержанта бил длинными очередями. Василий прикинул траекторию и выстрелил из подствольника. Враг отступил, но пауза была обманчивой. По дну глубокого оврага с севера приближались размытые в утренних сумерках тени. Сюртуков скатился вниз и в два прыжка оказался у последнего из джипов. Машина пострадала меньше других, и ее двигатель до сих пор работал. Василий открыл дверцу и схватил за плечо уткнувшегося лицом в руль водителя. Ставив труп на землю, он запрыгнул на кожаное сиденье и, положив автомат рядом, включил задний ход. Даже в неверном свете раннего утра Василий видел, что цвет машины был темно-бордовым, а фирменный знак в центре баранки не оставлял сомнений в марке. Это был заветный «Крузер».

– Сюртук, сюда! – рявкнул Гоша, перенося огонь в направлении приближающихся врагов.

За искореженными остовами четырех других машин видеть Василия враги не могли, и он смело развернулся к ним задом. Мотор утробно заворчал, и внедорожник пополз, увязая в глубокой жидкой грязи, в сторону огневой позиции сержанта. Федор и Миха получили по приличной порции свинца, и потому их тела Василий разыскивать не собирался. Косой еще дышал, и его Гоша столкнул ногой вниз. Тело Косого скользнуло по грязи к самым колесам

машины. Василий быстро выбрался наружу и с трудом приподнял товарища на никелированную подножку.

– Гоша, помоги, – потребовал он.

Сержант дал последнюю очередь и, меняя на ходу магазин, скатился следом за раненым. Вдвоем они наконец-то запихнули Косого на заднее сиденье и прыгнули в автомобиль сами.

– Газуй! – крикнул Гоша и оглянулся.

Машина, то и дело пробуксовывая, двинулась по дну оврага, прочь от места стычки. Заднее стекло было разбито. Гоша перебрался в багажный отсек и, выбив последние осколки, приготовился к стрельбе.

– Помнишь ручей у трех деревьев? – крикнул он через плечо.

– Помню, – ответил Василий.

– Там наверх можно выбраться. Деревня слева останется, за лесом, а через двести метров уже наши...

– Понял, – бодро сказал Сюртуков. – Ты работать не забывай!

– Не видно ни хрена, – пояснил Гоша. – На тормоз не дави...

– А что?

– Фонари сзади яркие, даже в тумане видно...

Василий с удовлетворением отметил, что по дну оврага действительно расплзается густая пелена тумана. Она пока не могла скрыть машину полностью, но надежда на это придавала Сюртукову силы. Затихшая было стрельба неожиданно возобновилась. Пули глухо вспороли правый борт и разбили все стекла. Лобовое – в частности. По нему расплзлась мелкая паутина трещин, и обзор снизился до минимума. Василий на свой страх и риск выпустил руль и, схватив автомат, ударил прикладом в стекло. После нескольких ударов «лобовик» сдался, и навстречу разведчикам понеслись горьковатые ключья тумана. Они покрывали лицо тонкой пленкой холодной влаги. Сюртуков почувствовал, как мерзнут губы и подбородок.

– Кондиционер еще включи, – весело посоветовал напарнику Гоша, отвечая на провокацию врагов длинной очередью. – Ручей не проспи!

– Не просплю, – пообещал Василий и резко вывернул влево.

Машина на несколько мгновений затормозила, и Сюртуков испугался, что грязь на склоне ей не преодолеть, но «крейсер» уверенно выбрался из ставшего уже неглубоким оврага, и разведчики въехали в перелесок.

– Что там, в сейфе? – с заметным облегчением спросил Гоша, оборачиваясь к Сюртукову.

– Полный порядок! – улыбаясь, ответил Василий, встряхивая лежащую рядом сумку. – И все зелеными бумажками...

– А ты упирался! – Гоша весело рассмеялся. – Считать умеешь? На два поделить, например?

– На три? – Василий оглянулся на лежащего за его спиной раненого.

– Уже на два, – равнодушно ответил Гоша, указывая на новую рану в темени Косого. – Последним залпом, видать, накрыли...

– Ну, козлы... – Сюртуков сжал зубы и покачал головой. – Слушай, мы же никого в плен не взяли. Значит, Звезды обломились?

– Тебя же эти побрякушки не интересовали? – сержант ухмыльнулся.

– Надо же будет чем-то девок завлекать, – ответил Василий.

– Девки на кое-что пониже смотрят. – Напарник тоже ухмыльнулся. – Кресты точно дадут, не переживай.

– Значит, до базы они не доехали? – внимательно разглядывая Гошу, спросил командир взвода.

– Только вошли в овраг, мы их тут же и накрыли, – нагло соврал сержант.

– Странно. – Лейтенант пожал плечами. – Наш человек утверждал, что у них вчера к вечеру по два магазина на нос оставалось, а теперь они лупят без передышки. Головы поднять не дают... Снайперы, так те вообще как заведенные работают...

– Ну, значит, ошибся ваш шпион. – Гоша развел руками. – С кем не бывает? Вы лучше посмотрите, какой агрегат! Новье! Дырявый только слегка, но по делам можно ездить запросто! В санчасть, например...

Сержант хитро подмигнул, намекая на особый интерес взводного к одной из сестер медпункта полка.

– На дембель в нем поедешь, – отмахнулся лейтенант. – Прямо до своего Урюпинска, самоходом...

– Запросто! – согласился сержант. – Разрешите идти?

– Иди, – отпустил командир, – герой...

У палатки Гоша обнаружил Василия, сидящего перед костром прямо на земле.

– Геморрой простудишь, – сказал сержант, присаживаясь на ящик рядом с товарищем. – Чего смурной? Выгорело же все!

– Семь пацанов за два часа, – ответил Василий, подбрасывая в костер пару щепок. – Коляна только что унесли...

– Ну, жалко, – Гоша вздохнул. – Но ты что, первый раз замужем?

– Надо было джипы на входе крошить, тогда бы сегодня в селе были и без потерь...

– Ах, вот почему ты сопли распустил?! – Сержант зло оскалился. – А как же – по десять штук «зелеными» на брата? Ты думал, тебе их за просто так хороший дядя выложит? Скажет: на, Вася, пользуйся! Отдашь, когда сможешь! А не сможешь, так и вовсе не отдавай! Так, что ли? Нет, братишка, ты их заработал! Кровью, своей и чужой, вот и пользуйся! И не ной!

Сюртуков наклонил поникшую голову еще ниже и вынул из кармана одну из пачек. Немного повертев деньги в грязных, огрубевших пальцах, он коротко замахнулся и швырнул их в костер. Любознательное пламя тотчас пробралось под обертку и принялось обглаживать купюры по краям, постепенно приближаясь к их центру.

– Круто, – оценил сержант его жест. – Даже в память о пацанах... Все равно круто... Или что, фальшивые?

В глазах Гоши мелькнула тень серьезного беспокойства. Сержант поспешно сунул руку в карман и вынул из него одну из своих бумажек. Он долго изучал ее на просвет, потом еще дольше водил пальцами по буквам, послунив, потер на сгибе и наконец сдался.

– Фальшивые, что ли, Сюртук? Чего молчишь?

– Настоящие, – с трудом ответил Василий и, сглотнув подступивший к горлу комок, бросил в костер вторую пачку.

– Ты мне лучше отдай, если тебе они поперек глотки встали! – возмущенно предложил Гоша.

– Иди ты... – посоветовал Василий и отправил в огонь сразу две упаковки.

– Так, – взволнованно оглядываясь на костер, пробормотал сержант, – а ну, поднимайся, пойдем по сто грамм врежем, за сбычу мечт... Не то все свое светлое будущее спалишь... Вставай! Сюртук, ты чего?! Василий! Вставай, тебе говорят!

Василий с трудом разлепил глаза и увидел треснувший потолок родной и привычной комнаты. Первым делом он провел ладонью по лицу. Щетина была совсем короткой, максимум суточной. Сюртуков с опаской повернул голову влево и нежно погладил пальцами левой руки прикрывающий стену ковер. Из соседней комнаты доносился голос телевизионного ведущего. Жена собиралась на работу под аккомпанемент любимой утренней программы.

Кошмарный сон закончился, уступив место привычному серому началу нормального буднего дня. Василий с удовольствием потянулся и, бодро приняв вертикальное положение,

отправился в ванную. Его до сих пор тревожили отголоски сна, но их разогнал привычный позыв начать ежедневное брюзжание. Василий попытался тяжело вздохнуть, но у него ничего не вышло. Сегодня ему почему-то не вздыхалось. Хорошо это или плохо, он понять пока не мог. Быстро закончив утренние процедуры, он отправился в кухню и начал готовить завтрак. В последний раз Сюртуков занимался домашними делами еще до личного кризиса, когда у него была нормальная работа и жена спала не в соседней комнате, а рядом. Вернувшись в гостиную, Василий сделал звук телевизора погромче и, снова удалясь на кухню, включил шумный чайник.

«Новости из зоны боевых действий, – предупредил диктор. – По сообщениям нашего корреспондента, группировка в селении... была отрезана от путей получения боеприпасов, однако сломить сопротивление врага пока не удалось. Наши войска понесли потери. Одиннадцать человек убитыми и пять ранеными...»

– Убитыми десять, – невольно поправил его Сюртуков. – Трое в разведке и семь, когда рассвело...

Василий вдруг выронил кухонное полотенце и бросился в комнату. Кадр фронтового репортажа как раз демонстрировал полную панораму знакомых окрестностей села.

– Как вам удалось отрезать врагов от канала снабжения боеприпасами? – спросил невидимый репортер, протягивая микрофон молодому офицеру.

– Наши разведчики уничтожили колонну из пяти машин с патронами, – ответил лейтенант. – Одну даже пригнали в расположение части...

Кадр сменился, и перед глазами изумленного Василия предстал пробитый пулями и лишенный стекол бордовый «Крузер».

– К сожалению, в живых остался только один из ребят, – продолжил вместо офицера репортер, и камера передвинулась влево, где, лениво пережевывая резинку, стоял одутловатый Гоша. – Трудно было?

– Нормально, – гордо выпрямляясь, ответил сержант. – Не в первый раз...

Сюртуков почувствовал, как подкашиваются ноги.

– Что помогло вам уцелеть? Ведь четверо ваших товарищей остались на поле боя...

– Ну и вопросы у вас. – Гоша нахмурился и пожал плечами. – Уцелели мы втроем. Просто одного, при отходе, шальной пулей зацепило, а другой, уже утром, снайперу попался...

Василий закрыл лицо руками и задержал дыхание, с ужасом ожидая, что сержант сейчас назовет его имя. Однако кадр сменился, и теперь интервью давали генералы. Сюртуков помотал головой, словно прогоняя наваждение, и выключил телевизор. «Чертовщина какая-то!» Он снова вернулся в кухню и заварил крепкий чай. «Нет, ну надо же, какой странный сон! И как натурально!»

Василию вспомнились аккуратные пачки импортных денег и то ощущение, которое он испытал, прикасаясь к их упругим бокам...

А еще он вспомнил короткий тупой толчок в грудь и нахлынувшие вслед за ним безразличие и тишину...

– Забавно, – сказал я, когда Красавчик умолк и полез в сумку за бутылкой минеральной воды. – Ты хочешь сказать, что каждый факт этой притчи подтвержден документами и материальными свидетельствами.

– Вот именно, – сделав несколько объемных глотков, подтвердил напарник. – Действующие лица тоже реальны, а события происходили именно так, как было изложено выше...

– Тем не менее надо проверить Сюртукова на предмет одержимости существами из Бездны, а также употребления наркотиков и алкогольного стажа, – начал я рассуждать вслух. – Если диагноз по этим статьям будет отрицательный, то можно и дальше проверять случай на достоверность. Поручим это Алексею?

– Какой ты быстрый! – Красавчик покачал головой. – Обрати внимание на главную особенность происшествия – клиент ничуть не удивился своему волшебному превращению из нытика с высшим образованием в крутого, хотя и немного сентиментального, профессионального солдата. Разве такая мгновенная психологическая адаптация тебя не смущает?

– Твоя версия? – не тратя времени на пустые возражения, спросил я.

– Пока отсутствует, – признался Красавчик. – Хотя кое-какие наметки есть. Во-первых, провал в параллельные миры...

– Смердит, – морщась, заметил я.

– Сам понимаю, – согласился напарник. – Тогда вариант номер два: кто-то влез к нему в мозги...

– Это уже лучше, – сказал я. – Хотя я вижу и третий вариант: он создал иллюзию сам. Во сне или бреду. Достоверные и логичные сны не такая уж редкость. Этим, кстати, можно объяснить и то, что он мгновенно вошел в роль воина. Хотя в этом случае я не знаю, как быть со свидетелями и уликами, вроде бордового «Крузера».

– Вот, а ты хочешь поручить дело Кузьменко, – укоризненно кивая, сказал Красавчик. – Без нас ему с таким иллюзионистом не справиться.

– Хорошо, – сдался я. – Займемся этим Сюртуковым сами. Работаем?

– Постой. – Красавчик подбросил папку. – «Работаем» – это все, что ты скажешь?

– Что ты хотел услышать дополнительно? – спросил я и поднял машину над землей. – Позвони Алексею и Ирине. Пусть встречают нас в конторе...

– Ну, не знаю, например, с чего мы начнем? – набирая номер приемной нашего агентства, спросил напарник.

– С главного свидетеля, – ответил я. – Мы поедем к Сюртукову, а Ира и Кузьменко будут на связи. Схема стандартная. Нам следует как можно лучше изучить басню этого Василия и проанализировать все детали. Работа кропотливая, но творческая. Как только мы выявим все странности, автор станет для нас почти прозрачным. А уж как выбить из подозреваемого мотивы, причины, замыслы и прочие свидетельства против него самого, я тебе объяснять не намерен...

– И не надо. – Красавчик ухмыльнулся. – Будем искать невидимые нити? Надеюсь, они существуют и мы раскрутим клубок полностью.

– Ты, кстати, не упомянул, откуда добыл адрес этого Сюртукова, – покосившись на партнера, сказал я. – Надеюсь, не из компьютерной сети или желтой прессы?

– Источник надежный, как скалы, – заверил Красавчик.

– Дельфийский оракул? – Я улыбнулся.

– Вроде того, – туманно ответил напарник. – Я смогу тебе его показать только в крайнем случае. Не обижайся, но я обещал ему полную анонимность...

– Понимаю. – Я кивнул. – Думаю, что с Василием Андреевичем мы справимся и без посторонней помощи.

– Он думает так же, – ответил Красавчик.

2

– Ай, красивый, зачем спешишь, дай погадаю!

Василий сделал шаг вправо и, обогнув навязчивую цыганку, двинулся дальше. Он никуда особо не спешил, но связываться с цыганами или подавать милостыню распространившимся в последнее время беженцам с юга считал неразумным.

– Богатым будешь, счастье тебе будет, дай денежку, какую не жалко!

– Отвяжись, – предложил Сюртуков, но цыганка вдруг стала неестественно серьезной и, даже не хватая его за руку, сказала:

– Много жизни в тебе! Здоровый ты, молодой. Береги себя! Долго проживешь тогда!

– Курить бросить, что ли? – невольно ввязываясь в беседу, спросил Василий.

– День сегодняшней переживи, красавец, – уже совсем зловещим шепотом ответила цыганка.

– Шла бы ты... – недовольно посоветовал Сюртуков.

– Не сердись, драгоценный. – Цыганка улыбнулась ровной, сверкающей желтым металлом улыбкой. – Позолоти ручку, совет дам хороший...

– Держи. – Сам не понимая почему, Василий вынул из кармана крупную купюру и сунул в унизанную кольцами и браслетами руку цыганки.

– Ай, щедрый, удача тебе будет, если побережешься один день... – выворачивая запястье Сюртукова ладонью кверху, воскликнула гадалка. – Вижу, врагов у тебя много, не встречайся с ними сегодня, про машину свою забудь до утра и женщины остерегайся. Все у тебя тогда хорошо будет!

– Что ты человеку голову морочишь? – сердито оттолкнув цыганку, вмешалась в их диалог пожилая женщина в сером драповом пальто и вязаной шапочке.

– Ай, ты кто такая, зачем толкаешься?! – возмущенно спросила гадалка.

Женщина молча посмотрела цыганке в глаза, и та почему-то замолчала. Их безмолвная дуэль взглядов продолжалась целую минуту. Потом гадалка вдруг сдалась и, выпустив руку Василия, сделала пару шагов назад.

– Помни, что я сказала, золотой! Берегись этой старухи, дурной глаз у нее! Неживой! Ай, берегись!

Выдав последнюю реплику, цыганка проворно подобрала многочисленные юбки и, ловко перепрыгнув через лужу, засемила прочь.

– Девять жизней у тебя, юноша, – проводив гадалку взглядом, сказала женщина. – Сбросишь одну, другая на подходе... Разве можно их за день растерять? Не бери в голову...

– Вы тоже гаданием зарабатываете? – с усмешкой спросил Василий.

– Деньги, деньги... – Женщина вздохнула. – И что же вы на них все помешались? Разве, кроме этих бумажек, ничего достойного в мире не осталось?

– Извините, – пробормотал Сюртуков, не зная, как найти предлог для того, чтобы продолжить путь.

– Ничего, не извиняйся, – женщина махнула рукой, и ее бледное лицо покрылось сетью морщинок от внезапно пробежавшей по ярко накрашенным губам улыбки. – Вежливый... Люблю, когда молодежь вежливая.

– А девять жизней – это в каком смысле? – передумав уходить, спросил Василий. – Как у кошки?

– Нет. – Женщина подняла на парня глубоко посаженные глаза и снова улыбнулась. – Кошки просто живучи, а ты на самом деле девять раз смерти избежать сможешь. Так что не верь цыганке, она за плату старалась...

– А вы? – спросил Сюртуков. – Вы почему вмешались?

– От доброты душевной, – просто ответила женщина. – Ну, иди, родной, ступай...

Василий пожал плечами и двинулся дальше. Неожиданная двойная встреча его почти не взволновала. Гаданием и оккультными науками он никогда не интересовался.

«Девять, значит, девять, – подумал Сюртуков. – Сейчас, видимо, первая? Восемь в запасе. Нормально. Или одну я оставил во сне, когда погиб на той окраине села? С ума сойти можно с этой мистикой. Хотя и семь жизней в запасе – тоже очень неплохо».

Глубоко вдохнув прохладный воздух, он прищурился и взглянул на яркое весеннее солнце. Погода вполне располагала к жизнелюбию. Тем более, как выяснилось, такому многогодовому. Решив обойти образовавшуюся впервые после зимы лужу, Василий свернул к асфальтовой дорожке, бегущей вокруг высотного дома. Совершенно не задумываясь над тем, что делает, он перешагнул через натянутую чуть выше щиколоток веревку с красными флажками. Обойдя пару глыб плотного снега со льдом, Сюртуков направился к арке, ведущей во дворик длинного дома. Там, во дворе, стояла его машина.

– Куда?! – неожиданно рывкнул какой-то небритый мужик в оранжевом жилете поверх телогрейки. – Назад!

Василий остановился и с недоумением посмотрел на размахивающего руками дядьку. Тот едва ли не подпрыгивал от усердия, но делал это не сходя с места.

– Чего? – оглядываясь по сторонам, спросил Сюртуков.

– Жить надоело?! – снова заорал дворник.

Он задрал к небу сизый нос и крикнул еще громче, но на этот раз не Василию:

– Степаныч, подожди! Ах ты, блин!

Сюртуков тоже поднял взгляд кверху и увидел, как с высоты далекой крыши пикирует огромная глыба серо-голубого льда. Василию казалось, что он видит все мельчайшие изгибы сверкающего снаряда, каждую вмерзшую в его толщу частичку мусора, каждый пузырек плененного льдом воздуха... Ни отскочить, ни даже шевельнуть рукой, чтобы инстинктивно прикрыться от глыбы, он был уже просто не в силах.

– Холодец... – предсказал развязку дворник.

Сюртуков невольно с ним согласился, но в ту же секунду глыба оглушительно хлопнула по асфальту в нескольких сантиметрах от ног нарушителя веревочной границы и обдала его фонтаном ледяных осколков.

– Вали отсюда, обормот! – с облегчением приказал страж чистоты. – Повезло тебе... Ну, бегом!

Василий не стал огрызаться и спешно покинул опасную территорию. «Шесть?» – мелькнула в его голове странная мысль. Логика в данной ситуации была бессильна, но интуитивно Сюртуков чувствовал, что кусок льда в последний момент необъяснимо отклонился от траектории и потому упал не точно на голову Василия, а рядом с ногами. Возможно, так ему просто показалось, но полностью уверен в этом он не был. Теперь к словам цыганки и тем более пожилой женщины он решил отнестись более благосклонно. «А вдруг одна из них права?» Сюртуков невольно поежился и нырнул в арку. Его немного трясло, и душевное равновесие никак не восстановилось. Как выяснилось, он еще и не совсем вернулся к реальности. Анализируя свои переживания, Василий совершенно забыл о том, что следует смотреть по сторонам.

Перед самым носом у него отчаянно взвизгнули тормоза и щелкнула, открываясь, дверца.

– Ты куда смотришь, козел?! – заорал, выбираясь из грузовой машины, водитель.

Сюртуков вдруг понял, что до сих пор смотрит вверх, на ближайший карниз. Он опустил взгляд и увидел в полуметре от себя бампер небольшого грузовичка. За спиной водителя, который уже схватил Василия за лацканы куртки, появилась не менее внушительная физиономия экспедитора.

– Чего ты разошелся? – пытаюсь отцепить руки шофера от своей одежды, спросил Сюртуков. – Ну, зазевался, извини...

– Заезвался?! – Возмущенный водитель встряхнул парня так, что у того щелкнули челюсти. – Я тебя чуть по борту не размазал! Ты не видишь, что две машины кое-как в этой арке разъезжаются? Куда ты между ними лезешь?

– Две машины? – Василий растерянно оглянулся и увидел второй грузовик, из которого шофер выбираться не спешил, но смотрел в боковое окошко не менее осуждающе.

– Две, две! – подтвердил экспедитор первого грузовика. – Между нашими бортами сантиметров десять оставалось! Как ты пролез, не пойму!

– Да остыньте вы, мужики, – вступился за Сюртукова шофер второго грузовика. – Обошлось же...

– А нервные клетки?! – спросил первый водитель и, отпуская Василия, добавил: – Чтоб я тебя через минуту не видел, баран!

Сюртуков был настолько ошарашен, что снова не ответил на явную несправедливость даже короткой репликой. Он тряхнул головой и, озираясь, пошел к своему «жигуленку».

«Пять?» – снова пришла мысль. Василий открыл дверцу машины и, дрожащими пальцами вынув из пачки сигарету, прикурил. Докурив до фильтра, он наконец решился сесть в автомобиль и завести двигатель. Мотор работал достаточно ровно, и никаких новых неприятностей его гул не предвещал.

«Надо ехать домой», – решил Сюртуков и уже собрался включить передачу, как во двор с бешеным воем влетели две милицейские машины. Они перегородили оба выезда на улицу, а из их чрева посыпались облаченные в бронежилеты и маски автоматчики. Василий не успел ничего понять, а милиционеры уже взломали черный ход магазина, находившегося в одном из образующих дворик домов, и ворвались внутрь.

Почти тут же из помещения послышались стрельба и крики. Не прошло и пяти секунд, как через одно из окон первого этажа выпрыгнул подозрительно возбужденный тип в кожаной куртке и с большим пистолетом. Сюртуков на всякий случай пригнулся, но бандит двинулся напрямик к нему. Дернув дверцу машины, тип направил на Василия пистолет и приказал:

– Выметайся!

Сюртуков приподнял дрожащие руки и вылез из автомобиля. При этом он поскользнулся на ледяной корке и невольно толкнул нападавшего плечом.

Бандит устоял и, грубо оттолкнув законного владельца транспортного средства, сел на его место. Прежде чем закрыть дверцу, он мстительно оскалил желто-коричневые зубы и выстрелил, целясь Василию в голову. От неожиданности и страха Сюртуков не удержался и сел прямо на землю.

Опомнившиеся милиционеры наконец отреагировали на происходящее и открыли огонь вслед бандиту. Тот сделал несколько кругов по двору, но, осознав, что выехать из него не сможет, остановился и буквально выкатился из машины, пытаясь уползти под прикрытие голых кустов.

– Лежать! – наперебой заорали автоматчики, приближаясь к типу.

Тот несколько раз дернулся и затих.

– Отключился, – спустя минуту сказал один из стрелков, переворачивая тело бандита, – но еще дышит...

– Ты как, живой? – участливо спросил другой, присаживаясь на корточки рядом с Василием.

Сюртуков прикоснулся к скуле и, отняв пальцы, обнаружил, что они перепачканы кровью.

– Рука у него дрогнула, – деловито заявил милиционер. – Повезло тебе. Документы есть?

Сюртуков молча достал права и протянул их автоматчику.

– Ты извини, что машину испортили. – Милиционер вернул документы и развел руками. – Служба... Мы с его дружков взыщем, ты только заявление напиши...

– Хорошо, – совсем слабым голосом согласился Василий.

«Четыре?» Такой стремительный обратный отсчет начал пугать его не на шутку. Получалось, что, даже сидя на месте, он терял тот драгоценный запас жизней, который нагадала старушка, и приближался к печальному финалу, увиденному на его ладони цыганкой.

Сюртуков вынул из кармана телефон и, с трудом попадая дрожащими пальцами в нужные кнопки, набрал номер того самого приятеля, который вызвался помочь, записав в подробностях историю с «Крузером» и Гошей.

– Это я, – срывающимся голосом сообщил он в ожившую трубку. – Со мной опять творится черт знает что! Мне плевать, что ты занят! Тогда дай мне адрес этих орлов, я поеду сам! Нет, уже не стыжусь! Плевать, пусть думают... Не посадят... Сумасшедшие дома переполнены и без меня... Ты дашь мне адрес этой конторы или нет? Нет, тебя упоминать я не стану ни при каких обстоятельствах... Договорились. Гонорар за посредничество стоит во дворе магазина «Параллель». Можешь забрать. Я не издеваюсь... Да, моя машина... Нет, не сгорела. Нет, не разбил. Ее немного прострелили доблестные омовцы, но это не в счет... Записываю... так... хорошо. Нет, на такси... Ну, пока, спасибо за помощь...

– Вот я и приехал, – резюмировал свой рассказ Сюртуков. – Мой знакомый обещал, что через пару дней вы сами со мной свяжетесь, но обстоятельства изменились, и вот видите, как резко.

– Ни черта не понимаю, – признался я. – Не происшествия, а прямо басни Эзопа...

– Это значит, что мы беремся за дело, или нет? – поинтересовался напарник, больше для того, чтобы успокоить Сюртукова, чем получить еще одно подтверждение от меня.

– Конечно, да! – ответил я. – Я пока не вижу связи между этими историями, но вот что я чувствую печенкой – она есть.

– Тогда давай проанализируем детали, – предложил Красавчик. – Чтобы начать расследование, нам придется выделить нечто общее в изложенных историях, кроме авторства.

– Совершенно верно, – согласился я. – Автора искать уже не надо, но стоит спросить, готов ли он нам помочь?

– Готов, – не задумываясь ответил Василий. – Я не могу так жить. То воюя вместо кого-то другого в горячей точке, то почти умирая трижды за пять минут... Если ничего не предпринять, скоро я начну еще и перевоплощаться в каких-нибудь животных или летать по ночам...

– А также пить кровь и шарахаться от запаха чеснока... – продолжил Красавчик.

– Злые шуточки у вас, гражданин сыщик, – неприязненно морщась, заметил Сюртуков.

– Не обращайтесь внимания, – отвлек я Василия. – Неизвестный приятель направил вас по верному адресу. Мы, конечно же, не рассчитывали на столь быстрое развитие событий, но готовы помочь вам всеми силами. Для начала пригласите нас на чашку чая к себе домой, а потом мы проедем на место последних событий...

– Осмотр места происшествия? – Василий уважительно кивнул. – Понимаю.

С каждой секундой я все больше убеждался, что Красавчик совершенно точно угадал, что за фрукт этот Сюртуков. Никакой искры особо высокого интеллекта в глазах потерпевшего не светилось. Это означало, что расследование придется вести, задавая Сюртукову максимально конкретные вопросы и стараясь не реагировать на его замечания и советы. За себя я не волновался, но вот Красавчик вполне мог послать Василия куда подальше в любой момент. Возможно, я придирался – Сюртуков был мне тоже почему-то неприятен, – но, с другой стороны, раньше личные симпатии никак не влияли на мои взаимоотношения с клиентами. В этот раз все выглядело как-то странно с самого начала. В Сюртукове не было ничего особенного. Обычный молодой мужчина. Может быть, несколько обрюзгший для своего возраста или какой-то запущенный и неопрятный, но это вряд ли могло вызвать во мне такую сильную реакцию. Нет, дело было в чем-то другом...

3

Какая-то неустроенность и уныние проступали в каждой детали старого, заброшенного дома. Его и домом-то можно было назвать с большим трудом. Так, жалкая лачуга на самом краю деревни. От изгороди, когда-то оберегавшей усадьбу, остался лишь один пролет. Он невесть как держался на покосившихся столбах, и угол его наклона ясно говорил о том, что ближайшей весной придет и его черед лечь в сырую землю рядом с прочими, уже сгнившими, дощатыми братьями. Сад справа от избышки одичал и беспорядочно порос высокими кустами. Просыпаясь от зимней спячки, они жадно отбирали друг у друга солнечные лучи, и потому их будущие ягоды наверняка были обречены уродиться мелкими и кислыми. Обширный участок, на котором раньше высаживались овощи и корнеплоды, был оккупирован диким и густым бурьяном. Этого факта не мог скрыть даже толстый слой тающего снега. Общее запустение участка казалось настолько необратимым, что невольно хотелось отвести взгляд и осуждающе покачать головой.

Лена осторожно ступила на трухлявое крыльцо и потянула перекосившуюся дверь. Открыть ее удалось не сразу, но с третьей попытки дверь недовольно заскрипела и подалась. В лицо Лене прилетело облачко пыли, а от косяка к двери протянулась упрямая паутинка. Девушка смахнула серебристую ниточку рукой и шагнула внутрь дома. Пахло в лачуге сыростью и какой-то кислятиной. Лена оглянулась, словно надеясь обнаружить бочку с квашеной капустой, но, кроме серой печки, лавки и грубого деревянного стола, в доме не было ни мебели, ни утвари. Сквозь щели между досками небрежно заколоченного окна пробивался свет, причем он был гораздо ярче того, что проникал через приоткрытую дверь. Окно выходило на солнечную сторону.

– Матрену уже, почитай, пять лет как схоронили, – не входя в дом, пояснил дед Григорий. Он, по-стариковски кряхтя, присел на крыльцо и закурил папиросу. – С тех пор никто сюда не ходил. Пацаны все больше на старой лодочной станции играют, а молодежь нынче по таким лачугам не обнимается. Им это, видите ли, неинтересно... Конечно, неинтересно – полный поселок каменных домов со всеми удобствами... во дворе. Заходи в любой и милуйся. Никто не заметит. Зачем им на самые окраины забираться? Верно? Эх, дочка, совсем деревня опустела. Работы нет, денег не платят... Что осталось? Школа да сельпо? Ты не подумай, что я жалуясь... Нет, не жалуясь, я понимаю, времена меняются. Кто не успел, тот доживает, кто попроворнее – живет... Думаешь, мне жалко было Матрениной халупы? Да я бы ее еще пять лет назад продал, если бы кто купить надумал. А кто? Местным такого добра и даром не надо, а городские, вот как ты, сюда только этой весной приезжать и начали. Куда раньше глядели? Все по курортам отдыхали. А ведь если разобраться, у нас тут получше любой Анапы или Греции будет. И лес тебе, и речка чистая, и воздух медовый. Как считаешь, дочка?

– Верно вы говорите, дядя Гриша, – согласилась Лена. – Я уже давно хотела себе именно такую дачку прикупить, но в пригороде дорого было. А сюда пока на электричке доберешься – до узловой, потом на автобусе, потом пешком... Теперь, на машине, мне проще будет. Сколько вы хотите за домик?

– Господь с тобой, дочка. – Дед Григорий энергично взмахнул обеими руками и даже выронил папироску. – Куда мне эти деньги? Портки, слава богу, есть, а все остальное у меня собственного разлива. Ты мне, как приезжать будешь, гостинец привози – ну, папирос пару пачек или газет каких с журналами – вот и будет у нас оплата в рассрочку. Я ведь только на вид старый пень из глухой деревни, а раньше я агрономом работал. Читать всегда любил все, что листается. А бумагу о продаже я тебе сразу подпишу, ты не переживай...

– Нет, ну, как-то неудобно совсем без денег, – смущенно пробормотала Лена.

– Детишки у тебя есть? – игнорируя ее реплику, спросил Григорий.

– Есть, двое. – Лена улыбнулась.

– Я их рыбалить научу. По-настоящему, – довольно шурясь, пообещал дед. – А по осени на охоту твоего супруга свожу... Или, погоди, ты, я гляжу, сама баранку крутишь, нет мужа, что ли?

– Был... – неохотно ответила Лена. – Разошлись...

– Ну что ж. Нынче по-всякому люди живут, – без тени осуждения прокомментировал Григорий. – Крышу, конечно, надо перебраться, шифер худой совсем, – чуть помолчав, вернулся к теме дед. – Ну а остальное можно и потом, не спеша... Я тебе помогу, ты, главное, не стесняйся, зови. Мне же все одно – делать нечего.

– А Матрена вам кто была – сестра? – выходя на воздух, спросила Лена.

– Да нет, братова жена, – пояснил Григорий. – Брательник еще в восьмидесятых преставился, не дотянул до нынешнего светлого будущего, а она так и доживала одна. Тут у нас почти все какие-нибудь родственники, так что пропасть ей не дали... Хотя, конечно, особо ее не жаловали.

– Почему? – удивленно спросила Лена.

– Характер у нее тяжелый был, – нехотя ответил дед. – Да жила на отшибе, с другими бабками сплетни не перемальвала... В общем, бабам было за что ее не любить.

– Мужиков отбивала? – Лена снова улыбнулась.

– Да бог с тобой, она же в шестьдесят с лишним годков овдовела! Какие тут шашни? Нет, та история почище была. Детектив местного изготовления...

– Расскажите, – Лена уселась рядом с Григорием и с интересом заглянула в его подслеповатые глаза, – я жуть как люблю деревенские истории...

– Это потому, что ты в деревне никогда не жила, – заметил дед. – Но только пообещай, что не станешь сильно верить во всю эту ахиною...

– Клянусь. – Лена уперлась локтями в колени и положила подбородок на ладони.

– Зимой все началось. Лет двадцать назад. Или нет, два-дцать два уже прошло? Да, двадцать два... Вот ведь времечко летит! Тосковала тогда Матрена шибко. Все на ферме пропала да по хозяйству. Ну, это чтобы о муже покойном не думать. Занимала себя, значит, чем-то. Я ей по-родственному помогал, конечно. Но однажды, под Рождество, случился один любопытный конфуз. Из хаты в самом центре села пропали двое ребят. Мальцы совсем. Одному пять, другому семь годков было. Да главное – одежда на месте: валенки, портки, ушанки... А самих нету. И не видел никто, и псина не лаяла... Мистика прямо. Мужики походили вокруг дома, посмотрели – пусто. Никаких следов! Так до Крещенья искали. Все сугробы перерыли... А снегу было! Не каждый год и половину от такого количества выпадает! До самых крыш дома заваливало. Милиция тоже полазила немного в снегу по уши, да и замяла это дело... В те времена если показатели соцсоревнования страдали от нераскрытых дел, так с ними не особо церемонились. С делами то есть. Закрыли и вся любовь. План до весны выполнили. А весной «подснежники» если оттают, так это уже другой квартал будет... Так-то... Ну, да... Оттаяли мальчонки по весне, тут уж без мистики. И поди же ты, аккурат рядом с Матрениной избой... Обнялись и заснули, видать. Ну, предъявить бабке нечего было, тут милиция, как ни скрипела, от нее отвязалась, однако молва дурная по всему району пошла.

– Замучили, наверное, сельчане Матрену сплетнями? – глядя куда-то в даль, спросила Лена.

– Да ее-то как замучишь? – Дед Григорий развел руками. – Она же сплетен не слышала, в лицо ей никто ничего не говорил, а что чурались ее, так это всегда было... Но вот ведь какая незадача приключилась: мальцов в райцентр повезли на экспертизу, а обратно так и не вернули...

– Не похоронили? – Лена удивленно перевела взгляд на старика.

– Мать их туда ездила, так ей могилки показали, все чин по чину, на самом приличном погосте, но, сколько она правды от начальства ни добивалась, так никто и не сказал, почему их в районе схоронили, а не тут. Много потом пересудов было. Говорили люди, что живы пацаны по сей день, только их в военных лабораториях разморозили и исследуют. Другие про пришельцев с Марса толковали: мол, там холодно, вот они и хотят нас с собой скрестить, чтобы мы ихние морозы могли выдержать. А я так думаю, с чего им нас к своим морозам приучать? Не лучше ли к нашему теплу самим привыкнуть? Так никто ничего и не объяснил. А Матрену до смерти обходили за версту. Я да Иван, скотник наш, с ней только и разговаривали. Зато, как померла, всей деревней хоронили...

– Значит, все-таки уважали ее? – спросила Лена.

– Не знаю. – Григорий пожал плечами. – Может, и уважали, но я думаю – боялись. И на похороны все собрались, только чтобы убедиться, что на самом деле померла Матрена, прости меня, господа, за такие слова...

Старик неловко перекрестился.

– Занятная история. – Лена зябко повела плечами. – А продолжения не было? Ну, призраки деток этих замерзших не появлялись?

– Ты откуда знаешь? – подозрительно шурясь, спросил старик.

– Обычно в подобных историях всегда есть что-нибудь этакое. – Лена улыбнулась. – Мы в летнем лагере у костра очень любили байки рассказывать. Ночь кругом кромешная, свет костра теряется через два шага, и все время кажется, что сейчас кто-то сзади как выскочит!

Лена устрасюще подняла руки с растопыренными пальцами и рассмеялась.

– То были ваши байки. – Григорий покачал головой и размял новую папиросину. – А тут научный факт. Его на кинолентку «Свема» засняли даже... Приезжали двое ученых прямо из столицы! Я, правда, фильма не видел, но они сказали, что съемки удались, «аномалия зафиксирована», и еще как-то по-научному завернули... Вот ведь память... Забыл...

Дед многозначительно поднял кверху корявый палец и, немного наклонясь к Лене, торжественно произнес:

– Под Рождество, каждый год, как по заказу – бродят по деревне и в окна заглядывают...

– Дети? – Лена озадаченно уставилась на Григория.

– Они самые. Только прозрачные такие, как стеклянные. Собаки воют, скотина орет благим матом, а они походят, походят да исчезают у Матрениного дома. Здесь, стало быть...

– Ужас, – признала Лена.

– Ну, ужас не ужас, но после смерти Матрены все как рукой сняло, – успокоил ее старик. – Не видели мальцов больше.

– А в районе что говорили? – поинтересовалась Лена.

– У них на все один ответ: со скуки, говорили, выдумываете. Лучше программу «Время», мол, по телевизору смотрите да показатели улучшайте. Мы завсегда в отстающих числились, так что начальство на нас только через этот факт внимание и обращало. Так-то... Не передумала еще дачу обустроить?

– Я же здесь только летом жить буду. – Лена покачала головой. – К тому же, вы сами сказали, что все уже давно закончилось.

– Это верно. – Дед Григорий выпустил клуб сизого дыма и криво улыбнулся. – Сейчас народ смелый пошел. Грамотный. Его бабкиными сказками не проймешь. Ну да ладно, вечерет. Ты как думала, в деревне заночевать или в город поедешь?

– Думала заночевать, – призналась Лена.

– Тогда идем ко мне в хату, не здесь же тебе маяться.

Они поднялись с пригретого крылечка и не спеша двинулись по проталинам, через пустырь, к дому Григория. Лена шла глядя себе под ноги. Она то и дело перепрыгивала через

прошлогодние коровьи лепешки и пыталась что-то напевать. Неожиданно она остановилась и, взглянув на старика, спросила:

– Дядя Гриша, а что говорила сама Матрена? Ну, об этих детях...

– Сама? – Дед Григорий тоже остановился и, сунув руки в карманы телогрейки, негромко ответил: – Странное что-то она говорила, даже не знаю, как это назвать. Вроде как в горячке люди плетут невесть что, но только она всегда в здравом уме это повторяла. «Не жили, – говорила, – так и не помирать им. Вот потому и бродят». А как ее понимать, не объясняла. Я ее сколько раз спрашивал, она все свое твердила. А один раз добавила: «К повитухе сходи, раз такой любопытный...» А я зачем к повитухе-то попрусь? Не телиться же собрался! Отстал я от Матрены тогда, а через малое время она померла. Так я без правды и остался. Хотя, ты знаешь, дочка, не шибко и хотелось мне эту правду знать. Чую я, что горькая она. Если и вовсе не злая...

После ужина с деревенскими разносолами и привезенными городскими деликатесами, когда совсем стемнело, Лена выбралась на крыльцо и села на крашенные ступени. Спать пока не хотелось, но дед Григорий, утомленный парой стопок самогона, уже отправился отдыхать, и потому Лена оказалась предоставлена самой себе. Выбор развлечений был невелик: любоваться звездами, по случаю приятной весенней погоды крупными и яркими, или прогуляться по затихшей деревне в сторону реки. Дорога туда была незатейливой – все время по прямой, – и потому заблудиться Лена не опасалась. Прихватив из машины маленький фонарик и полотенце, она медленно двинулась вдоль замерших на ночь ручьев к прибрежным деревьям. Березовый лесок подступал почти к самой воде, и, пока еще скрытая под потемневшим снегом, песчаная часть деревенского пляжа была совсем узкой. Добравшись до речки, Лена присела на толстую корягу и выключила фонарик. Только что вскрывшаяся река играла медленно плывущими льдинами и что-то сонно бормотала, словно успокаивая ночных птиц, которые время от времени затевали перепалки среди голых ветвей. Плеск вялых волн был редким и почти неслышным. Шорох оттаявшей прошлогодней травы под лапками мелких животных и дуновения слабого ветра ночного спокойствия не нарушали вовсе. После городского безумия шумных машин и приборов такая первозданная тишина казалась настоящим раем. У реки пока не было комаров, и это порадовало Лену особо. Она надеялась, что летом кровососов здесь не будет тоже. Лена прогулялась по пляжу и, зачерпнув в пригоршню воды, плеснула ею себе в лицо. Жидкость подействовала как расслабляющая маска, несмотря на то что была пока еще довольно прохладной и сначала кожу просто обожгла. Лена немного побродила вдоль берега, а затем снова вернулась точно к тому же месту, где вышла из перелеска.

Она вытерла лицо полотенцем и глубоко вдохнула свежий воздух. Вокруг по-прежнему сохранялась мертвая тишина и покой. Лена снова включила фонарик и побрела обратно к дому Григория. Ночное умывание холодной водой приподняло ее настроение настолько, что она невольно свернула с проторенной дорожки и направилась к своему новому приобретению. В свете звезд и луны лачуга казалась еще более мрачной, чем была на самом деле. К тому же глубокие, почти космические тени придавали ей совсем уж загадочный вид. Лене подумалось, что сейчас домик походит на лишившуюся курьих ножек избушку всенародно почитаемой Бабы Яги.

Уже в двух шагах от будущей дачи Лена ощутила необъяснимое волнение и вместе с тем приятную тяжесть в низу живота. Ее рука невольно потянулась к дверной ручке, хотя все инстинкты посылали девушке самые настоящие внутренние окрики. Лена не понимала, почему не слушает саму себя. Да и не хотела этого понимать. Бросив короткий взгляд на полную луну, она открыла дверь и вошла в дом...

– Кузьменко? Это Сидоров. Где твои начальники?!

Голос милицейского майора был каким-то недовольным, словно ему не дали выспаться или доесть обед. Алексей выдержал секундную паузу и спокойно ответил:

– Они на задании. Позвоните им на мобильный.

– Кто бы еще его номер мне дал? – Сидоров зашуршал какой-то бумагой и потребовал:
– Диктуй!

– А что за срочность? – уклоняясь от выполнения приказа, спросил Алексей. – Эрик обещал появиться в конторе к двум часам, сейчас без четверти, может быть, вы перезвоните?

– Кузьменко, – строго прикрикнул Сидоров, – не мешай отправлению правосудия!

– И с какого пути оно отправляется? – насмешливо спросил Алексей. – Мои начальники попали под подозрение?

– Дело у меня горит, – признался майор. – Как раз в их вкусе.

– Вы же говорили, что с нашей конторой больше не связываетесь? – продолжал тянуть время Кузьменко.

– Ты дашь мне телефон или нет?! – взорвался опер.

– Записывайте, – снизошел Алексей и продиктовал номер мобильного телефона Эрика.

– Так-то лучше, – успокаиваясь, сказал Сидоров. – Бывай, стажер...

– Вам того же, – ответил Кузьменко в уже отключившуюся от линии трубку, – герр майор...

– Кто звонил? – заглядывая в кабинет, поинтересовалась Ирина. – Рыжий?

– Он самый, – подтвердил Алексей. – Дело какое-то хочет нам подбросить. Наверное, опять что-нибудь глобальное.

– Спасать мир – занятие не для него, – согласилась Ира. – Кофе?

– Сейчас уже начальники приедут, – взглянув на часы, ответил Кузьменко. – Можно будет и на полноценный обед прерваться.

– Если Сидоров придумал действительно приличную авантюру, ты можешь остаться голодным, – предупредила девушка. – Ты что, до сих пор не изучил Красавчика? Он же не даст нам ни минуты покоя.

Их диалог прервал новый звонок телефона. Ира выразительно посмотрела на аппарат и жестом предложила Алексею ответить. Тот нехотя поднял трубку и поднес ее к уху.

– Стажеры? – услышал он голос Красавчика. – Собирайтесь. Оба. Поедете в Севостьяновку.

– Это где? – удивленно спросил Кузьменко.

– Сто сорок шесть километров по западной трассе, – коротко пояснил сыщик. – Найдете там деда Григория. Он все объяснит.

– Ну а вкратце, что случилось? – Алексей покосился на принесенный Ирой кофе и вздохнул.

– Человек пропал, – ответил Красавчик. – Подробностей не знаю. Что еще хочешь услышать?

– Пока все. – Алексей сделал глоток напитка. – Без результата не возвращаться?

– Без подробного изучения всех деталей, – ответил сыщик. – Чтобы лишний раз туда не мотаться...

– Ясно, – сказал Кузьменко и положил трубку.

– Куда? – поинтересовалась Ира.

– На пленэр, – ответил Алексей. – В деревню, к деду, в глушь...

– В Саратов? – закончила искаженную цитату Ирина.

– В Севостьяновку... – поправил ее Алексей. – Пропал там кто-то, и, судя по тому, что в дело вмешался сам великий начальник главного убойного отдела товарищ майор Сидоров, кто-то из богатых горожан...

4

– Проходите. – Сюртуков протиснулся в квартиру первым и, не разуваясь, вошел в большую комнату, освобождая тесный коридор.

– Хоромы-то не царские, – скептически заметил Красавчик.

Василий молча пожал плечами и принялся снимать куртку.

– Раздеваться как раз не обязательно, – в тон напарнику заметил я. – Здесь мы не задержимся.

– Разве вы не будете проводить осмотр? – удивленно спросил Сюртуков.

– Искать вмонтированные в стены устройства? – в свою очередь поинтересовался Красавчик. – Уверяю вас, ничего такого здесь нет.

– Но вы даже не прошли в спальню! – возмущенно воскликнул Василий.

– За валерьянкой, – вновь поддержав напарника, добавил я.

– Вы считаете меня неврастеником? – догадался Сюртуков. – Считаете, что я все выдумал и теперь трачу ваше драгоценное время?

– Есть и такая версия, – не стал отрицать Красавчик. – Одна из нескольких...

– Это не работа! – бледнея от гнева, заявил Василий. – Так мы с вами ничего не выясним!

– Вам выяснять ничего и не придется, – заверил Сюртукова я. – Это дело профессионалов, то есть мое и моего напарника. Вы в нем пока только свидетель. И совершенно неясно, свидетелем чего вы все-таки явились. Так что помолчите, пожалуйста.

Закончив отповедь, я смягчил интонации и слегка улыбнулся.

– Так где, вы говорите, спальня?

– Прямо, – угрюмо ответил Сюртуков.

Первым в полутемную спальню вошел Красавчик. Он постоял немного на середине комнаты, потом запрокинул голову к потолку и приблизился к завешенному плотными шторами окну.

– До случая с боевыми действиями в горячей точке ничего особенного с вами не происходило, – утвердительно изрек Красавчик, отодвигая штору.

– Не припомню, – практически согласился с ним Сюртуков. – Мечтать я любил всегда, как и любой нормальный человек, но чтобы так...

– То есть раньше вам преимущественно не везло, – констатировал я, – и вы пытались уйти от реальности в мир фантазий и грез...

– В силу тонкой душевной организации, – с легкой издевкой добавил Красавчик.

– А вы напрасно иронизируете, – воинственно сверкнув глазами, ответил Сюртуков. – Врожденная интеллигентность присуща не многим, и потому я не ожидаю от вас правильного понимания моих проблем, но все же я хотел бы рассчитывать на элементарное уважение.

– На элементарное – ради бога, – согласился Красавчик. – Хотя чаще всего наши вопросы будут откровенно хамскими и нелюбезными. Считайте это спецификой профессии сыщика или отпечатком нынешнего смутного времени в наших порочных душах... Как сказал?

Он обернулся ко мне и подмигнул.

– Вполне, – оценил я ораторские потуги напарника.

– Кофе будете? – проглотив обиду, спросил Сюртуков.

Подобный тактический ход делал ему честь. Я даже немного потеплел в отношении Василия. Возможно, он был все-таки не столь безнадежно «интеллигентен», как это казалось на первый взгляд.

– Будем, – ответил я и за себя, и за Красавчика.

– Молотый, – не преминул добавить напарник, чем вызвал появление на лице Сюртукова очередной страдальческой гримасы.

– У меня только ячменный, – взяв себя в руки, съязвил Василий и поплелся на кухню.

Оставшись одни, мы с напарником быстренько вынули из карманов пару замысловатых приборчиков и замеры все, что можно было замерить. Начиная от радиационного фона, заканчивая напряженностью электромагнитных полей. Затем Красавчик установил и настроил несколько телекамер и микрофонов, датчиков движения и изменения объема, массы, а также теплового и газового сдвига. В спинку дивана он вогнал едва различимую иглу с детектором волн человеческого мозга, а под днищем четвероногого друга закрепил счетчик гамма-частиц. Больше мы ничего с собой не прихватили, но и этого набора было вполне достаточно, чтобы спальня могла конкурировать с любой лабораторией «Института Физиологии Сна и Лени».

Кофе оказался не ячменным, а вполне приличным растворимым. Мы молча выпили по половине чашки, и только тогда Василий осмелился задать новый вопрос:

– Я понимаю, что выводы делать рано, но полагаю, вы уже встречались с чем-то подобным? Как вы можете объяснить происходящее?

– Вы сами ответили на свой вопрос, – качая головой, сказал я. – Выводы делать рано. Мы видели столько разнообразной чертовщины, что без тщательного расследования никаких аналогий провести не рискнем, даже под дулом пистолета. Пока ясно одно – вы были в двух местах за одну ночь. Я не собираюсь обсуждать моральные аспекты совместного с сержантом Гошей предприятия, пусть они останутся на вашей совести, но меня интересует, как вы это провернули, будучи за три тысячи километров от места событий. В то, что душа человека отправляется во время сна блуждать над миром, я не верю. В телепортацию, на волне сокровенных желаний, тоже. К тому же стать за одну секунду профессиональным солдатом не смог бы никто. Вот эти, явно оторванные от реальной жизни, нюансы вашей байки и следует прояснить прежде, чем ставить окончательный диагноз.

– А этот... Гоша... – Сюртуков замялся. – Он жив?

– И здоров, – подтвердил я. – Сидит в следственном изоляторе. Ему эти деньги на пользу также не пошли.

– Удивительно. – Василий развел руками. – Вы точно знаете?

– У нас есть документальные подтверждения, – ответил я.

– Значит, меня вы тоже в конце концов арестуете? – испуганно спросил осененный догадкой Сюртуков.

Вместо ответа я вынул из кармана заключение патологоанатома военного госпиталя и фотографию. Что отразилось на осунувшемся лице Василия, описать невозможно. Он зашатался и резко сел на скрипучий диван, словно ему прострелили обе ноги.

– Мистика, – прошептал он посиневшими губами.

Я его реакцию посчитал вполне адекватной. Как еще прикажете человеку реагировать на фото и отчет о вскрытии собственного трупа.

– Может быть, это мой тезка? – слабым голосом спросил наконец Василий.

– Тогда уж брат-близнец, – ухмыляясь, ответил Красавчик. – Вы, случайно, не в курсе, не было у вас брата? Говорят, близнецы чувствуют друг друга на любом расстоянии. Тогда мы могли бы сразу найти все требуемые объяснения...

– Нет, я у родителей был один. – Сюртуков покачал головой. – Это точно.

– Придется строить другую версию, – сделал вывод мой напарник. – Едем на место прочих происшествий?

Мы допили остывающий кофе и неторопливо покинули неухоженное сюртуковское жилище.

– Ну и где эта арка? – с подозрением осматривая длинный многоэтажный дом, спросил Красавчик. – Магазин вижу, а вот проезда и, кстати, свежесброшенного с крыш снега – нет.

– Может быть, его вывезли? – неуверенно спросил Сюртуков.

– Снег? – Красавчик пожал плечами. – Маловероятно, но возможно. Однако за полдня заложить кирпичом целый проезд нашим строителям вряд ли под силу.

– Давайте зайдем во двор, – предложил я.

Мы обогнули дом и, миновав мусорные баки, вышли на детскую площадку во дворе дома. У жилых подъездов стоял десяток машин, по площадке бродили пацаны, пара бабушек и одинокий владелец шелудивой таксы, которая старательно обнюхивала все торчащие из-под тающего снега предметы и постоянно косилась в сторону помойки. Строгий ошейник и крепкий поводок существенно сдерживали ее устремления, но даже издалека было заметно, что собачья душа отчаянно рвалась к заветным мусорным бакам. Коротконогое тело между тем описывало оттаявшие кусты, поскольку было брошено мятежной душой на откуп инстинктам.

Выездов из двора, как я заметил, было действительно два, но нигде не проступали следы экстренного торможения милицейских экипажей и не валялись стреляные гильзы или стекла, осыпавшиеся из окон машины, которая, по версии Сюртукова, пострадала от выпущенных омоновцами пуль. Самых простреленных «Жигулей» мы не обнаружили тоже.

– Как же так? – пробормотал Сюртуков. – Вот же, здесь я и стоял... Вот масло капало... в коробке сальник прохудился, я все никак собраться не мог, чтобы его поменять... Где же машина?

– Если я правильно понял, автомобиль вы завещали тому самому приятелю, который дал вам наши координаты? – спросил я Василия.

– Но он же занят был! Он бизнесмен... Немцы к нему сегодня приехали... Не мог он так быстро ее перегнать, – по-прежнему растерянно возразил Сюртуков.

Я снова сделал круг по площадке и наконец нашел кое-что в пользу версии нашего незадачливого свидетеля. Это была достаточно свежая гильза от пистолета. Запах пороха был сильным, а латунные бока цилиндрика еще не потемнели. Сложив улику в пакетик, я поднялся с корточек и вопросительно уставился на Красавчика, который вернулся, закончив беглый опрос местных бабушек и мальчишек.

– Очень все запутано, – сообщил напарник. – Стрельба была, пенсионеры подтверждают. Но, что примечательно, гильзы после операции собрали не пацаны, а какие-то люди в кожаных куртках. Они же, по утверждению одного старичка из восьмой квартиры, заставили дворников раскидать весь прилежащий к дому снег и собрать мусор. Дальше: с крыши снег сбрасывали, но это было три дня назад. По словам очевидцев, имел место несчастный случай...

– Вот! – вмешался Сюртуков.

– Василий, – недовольно оборвал его Красавчик. – У интеллигентных людей принято выслушивать собеседника до конца, не перебивая, не так ли?

Сюртуков сразу же увял и покорно уставился себе под ноги.

– Насколько несчастный? – приглашая напарника продолжить рассказ, спросил я.

– Насмерть, – пояснил Красавчик. – Какой-то ротозей не заметил ограждения. Дворники, работавшие в тот день, сидят по домам на подписках о невыезде.

– Легко отделались, – заметил я.

– Что, согласись, странно, – добавил напарник. – Далее: пресловутой арки в доме не бывало отродясь, но, по словам бабушек, «одна гражданка рассказывала», что чуть дальше по улице, квартала через полтора, в доме, где такая арка имеется, второго дня придавили мужчину, который влез между разъезжающимися грузовичками. Исход неизвестен, но «кровищи было море» – это уже подтверждение от юных следопытов. У них сейчас каникулы, и потому они перемещаются мобильными группами по округе с утра до вечера, засовывая носы всюду, куда только можно. Наконец, третье: сегодня, прямо во дворе, ловили преступника, который

отстреливался из «беретты» – опять же сведения от продвинутых скаутов – и «убил в лицо» кого-то из милиционеров.

– Куда убил? – ухмыляясь, переспросил я.

– В лицо, – повторил Красавчик. – Слова свидетельницы. Вон той, видишь, в сером пальто?

– Да они все там в сером, – рассматривая группу перешептывающихся старушек, ответил я. – Ну а насчет машины-то что? Василий Андреевич просто места себе не находит, переживает...

– Он же подарил ее приятелю? – Красавчик удивленно выгнул бровь. – Требовать подарки назад неинтеллигентно...

– Да что вы ко мне привязались с этим термином?! – Сюртуков сжал кулаки и возмущенно посмотрел на Красавчика. – Считаете себя выше других?! Если я не такой богатый и удачливый, то и не заслуживаю ничего, кроме издевок?!

– Успокойтесь, – мягко потребовал я. – К манере поведения моего напарника привыкнуть сложно, но сделать это вам придется. Иначе мы не сможем провести полноценное расследование.

– К черту ваше расследование! – крикнул Сюртуков, разворачиваясь к выходу из двора. – Я иду домой! Машину мне разыщет ГИБДД, а в ваших услугах я больше не нуждаюсь! Надо же – попросил помощи, на свою голову! Забудьте все, о чем я вам рассказал! Ничего не было! Я все выдумал, чтобы привлечь к себе внимание! Просто надеялся, что мои басни дойдут до прессы!

– Вы напрасно горячитесь, – хватая за рукав, попытался я урезонить разбушевавшегося Сюртукова. – Ваше дело гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд. И не пытайтесь себя обмануть: ничто само собой не пройдет – это не насморк.

– Уберите руки! – зеленея от негодования, рявкнул Василий. – Нам больше не о чем разговаривать! Дело закрыто, или как там у вас это называют?! Все, прощайте...

Когда его оскорбленно-сутулая спина скрылась за углом, Красавчик сплюнул и рассмеялся:

– Кажется, мои изыскания его убедили. Теперь он будет сидеть дома до тошноты и не высунет нос на улицу, даже если начнется всемирный потоп. За безопасность этого типа можно пока не опасаться.

– Как знать? – Я в сомнении покачал головой. – А вдруг он получит удар током из сломанного утюга или подавится косточкой? В конце концов, его дверь несложно взломать и навесть квартиросъемщика прямо в обители...

– Ты думаешь, все его страхи не напрасны? – Красавчик удивленно взглянул в ту сторону, куда ушел Сюртуков.

– Вот, подивись. – Я вынул из кармана гильзу и протянул ее напарнику.

– Но стреляли же не в него, а в мента? – рассматривая предмет, возразил Красавчик.

– Ты уверен? – Я пожал плечами. – А откуда тогда царапина на лице у Василия?

– Мало ли? – отсутствующим тоном ответил напарник.

Такая задумчивость говорила о том, что Красавчика предмет крайне заинтересовал и все остальные мысли ушли на второй план, а управляет ими своего рода внутримозговая автоматика.

– Что-то необычное? – поинтересовался я.

– Весьма, – согласился Красавчик. – У тебя с собой случайно штангенциркуля нет?

– Зачем? – Я взглянул на гильзу. – По-моему, ты напрасно принял охотничью стойку. Это любимый патрон конца прошлого века: «девять парабеллум». Вполне стыкуется с версией о «беретте».

– Или у меня что-то с глазомером, или... – Красавчик подбросил гильзу на ладони. – Идем в планер, там у меня есть линейка.

Когда мы уселись в машину, напарник очень надолго зарылся в свою заветную сумку и после кропотливых поисков нашел в ней блестящую металлическую линейку с довольно точной насечкой делений. Еще минута у него ушла на измерение диаметра гильзы и шевеление бровями. Наконец он протянул обе блестящих железки мне и предложил:

– Измерь сам.

Я приложил линейку, насколько возможно, посередине отверстия в цилиндрике и вздохнул. Миллиметров было целых десять. Модель «беретты» такого калибра была мне неизвестна. Если честно, я не знал, что подобный калибр существует в принципе.

– Ерунда получается, – прокомментировал я открытие, возвращая предметы напарнику.

– Потому здесь и собрали почти все гильзы, – заметил Красавчик.

– Не верно, – возразил я. – Потому нам и оставили эту гильзу – вот как должно звучать твое замечание.

– Не понял, – признался напарник.

– Тот, кто подсунул тебе дело Сюртукова, имеет очень хорошо продуманные и далеко идущие планы, я это чувствую всем организмом, – пояснил я.

– Это хорошо или плохо? – скорее себя, чем меня, спросил Красавчик.

– Все зависит от того, на какой стороне баррикад засел этот твой «источник»: если на нашей – все в порядке, если на вражеской – у нас могут возникнуть крупные неприятности.

– Ты имеешь в виду неприятности с властями? – Красавчик скривился.

– Я говорю о возможной встрече с теми, кто убирает молодых мужчин среднего роста, обычной комплекции и неприметной внешности. Подожди, я сейчас тебе это докажу...

Я набрал на панели бортового компьютера заявку, и мы тотчас получили данные из морга за три последних дня. Отчеты о вскрытии сопровождались вполне сносными фотографиями. У погибшего под глыбой льда была сломана шея и разбито все лицо. Раздавленный грузовичками скончался от того, что сломанные ребра проткнули сердце. Его физиономию тоже украшала широкая ссадина, протянувшаяся от бровей до подбородка. Милиционер получил пулю прямо в лоб, к тому же выстрел был сделан с близкого расстояния и пламя опалило нос и брови. Все эти травмы довольно серьезно мешали сравнить лица погибших мужчин. Но в остальном не заметить их сходство мог лишь слепой.

– Все сходится, – удовлетворенно потирая руки, сказал Красавчик. – Прически и шрамы вместо физиономий у них разные, но по телосложению, росту и весу – хоть конкурс двойников организовывай... Посмертно.

5

– Так, значит, вы спали? – спросил Алексей, попутно осматривая оставленную во дворе машину пропавшей девушки. – Совсем новая...

– Спал, – энергично кивнув несколько раз подряд, подтвердил дед Григорий. – После ужина сморило...

– Плотный ужин был? – поинтересовался Кузьменко.

– Ну, так, как водится. – Григорий замялся. – Ну, стопочку пропустил для аппетита, а потом еще пару для лучшего усвоения пищи...

– Грамотный, – буркнул Алексей, оглядываясь на Иру.

– Так вы что, гражданин начальник, на меня думаете? – Григорий изобразил на морщинистом лице страдания ошибочно распятого праведника. По истечении третьей секунды пантомимы они плавно трансформировались во вселенские муки.

– А есть причина? – придиричиво осматривая старика, спросил Алексей.

– Господь с вами. – Дед перекрестился. – С чего бы это я на старости лет в душегубца обратился? Ради какой такой выгоды?

– Вот и я об этом думаю. – Кузьменко, успокаивая, похлопал деда по плечу. – Тем более, зачем было бы нас вызывать? Верно?

– Так, – дед снова кивнул, – так, гражданин сыщик. Правда ваша. Бегал до сельсовета, чтобы позвонить в милицию, как молодой...

– Значит, она хотела прикупить домик? Тот, что у реки? – Алексей вытянул шею и посмотрел в сторону приземистой избенки, которая темнела за пустырем, на опушке перелеска.

– Его, – подтвердил Григорий. – Матрены, родственницы моей, хибара была. Я вроде как наследник.

– Деньги у Лены с собой были? – осторожно спросил Кузьменко.

– Так не знаю. – Григорий пожал плечами. – Мы с ней на рассрочку договорились...

– Что, на такой машине приехала и рассрочку запросила? – удивленно спросил Алексей. – Или вы цену заломили?

– Да что вы, гражданин начальник! – Дед махнул сухонькой ручонкой. – Это моя идея была. Мне же деньги не шибко нужны, мне важнее, чтобы она со мной поговорить не забывала, как приезжать будет. Одному-то несладко век доживать... Словом обмолвиться не с кем. Вот я и предложил что-то вроде рассрочки: она меня не забывает и, как приедет, гостинец какой привезет да на чаек не забудет забежать. Родственников-то у меня никаких...

– Вроде внучки чтобы вам была? – резюмировал Кузьменко.

– Вот-вот, именно так, – согласился Григорий.

– Мы пойдем посмотрим? – скорее не спрашивая, а утверждая, сказал Алексей.

– Так я провожу, – засуетился старик.

– Не надо, – остановил его Кузьменко, – не заблудимся.

– Понимаю. – Григорий многозначительно посмотрел на Иру. – Служба лишних субъектов не терпит...

– Сообразительный старичок, – заметила Ирина, когда они отошли от дома Григория подальше.

– Это не преступление, – сказал Алексей. – Мотива у него действительно нет. Да и не под силу ему уже подвиги.

Они довольно быстро пересекли пустырь и приблизились к домику. В дневном свете строение выглядело не слишком привлекательно, но, когда Алексей представил себе, как

избушка будет смотреться вечером, по его спине и вовсе побежали мурашки. Ира тоже невольно остановилась у самого порога, не решаясь потянуть за ручку перекошенной двери. Наконец в Алексее проснулось мужество, и он уверенно распахнул скрипучую дверь настежь.

– Входи, – пригласил он Иру, скрываясь в полутьме лачуги.

– Я и так вижу, что там никого нет, – попыталась отказаться от его приглашения Ирина.

– Входи, – весело повторил Алексей, – не трусь...

– Мне ли бояться нечистой силы? – с вызовом ответила Ира и шагнула следом за напарником.

– Вот именно, – озадаченно оглядываясь по сторонам, согласился с ее репликой Кузьменко. – Как-то здесь неуютно. Почему Лена выбрала именно этот сарай? Неужели в деревне не нашлось ничего получше?

– Здесь река рядом, – возразила Ира. – К тому же подальше от соседей – для человека, уставшего от мелькания городской толпы, – условие непременно. Я бы тоже выбрала эту избушку. Печка есть, стены бревенчатые, прочные, а крышу можно починить...

– Что ж, доверимся твоему женскому чутью, – не стал спорить с Ириной Кузьменко. – Итак, она вышла из дома деда Григория и направилась к домику?

– Возможно, сначала прогулялась вдоль реки, а потом заглянула сюда, чтобы еще раз осмотреть новое приобретение, – предположила Ира.

– Опять собственный опыт? – спросил Алексей.

– Ну, я бы от скуки поступила именно так. – Девушка пожалала плечами. – Тебя что-то не устраивает?

– Да нет, все нормально, – успокоил ее Кузьменко. – Но куда она делась после того, как в полной темноте еще раз осмотрела бесполезную покупку?

– Сарказм тебе удастся только в исключительных случаях, – с нотками осуждения заметила Ира. – Никаких следов борьбы я не вижу, значит, здесь на нее никто не нападал и она ушла куда-то еще...

– Очень ценный вывод. – Алексей подошел к дальней стене и протянул к ней руку.

Коснуться стены он не успел, поскольку Ира вдруг испуганно крикнула:

– Постой!

– Что такое? – отдернув руку, спросил Кузьменко.

– Ты ничего не чувствуешь? – Девушка подняла взгляд к потолку. – Сквозняк?

Алексей осмотрел окошко, а затем обернулся к двери. Движение воздуха было довольно ощутимым и даже видимым. Поднятая ногами сыщиков пыль плясала в узких солнечных лучах, которые пробивались сквозь щели между досками в заколоченном окне. Как ни странно, пыль сносило не от окна к двери или наоборот, а к выходу от сплошной проконопаченной стены. Алексей сделал шаг назад и вынул из кармана бензиновую зажигалку. Чиркнув потертым колесиком по кремню, он поднес язычок пламени к стене и растерянно хмыкнул.

Пламя пригигало к его пальцам строго по направлению к порогу.

– Что это за чертовщина? – спросил он, указывая на пламя.

– Не знаю, но лучше бы нам отсюда убраться, – ответила Ира. – Подожди, я позвоню Эрику.

– Что у тебя за манера сразу ябедничать начальству? – храбрясь, спросил Алексей.

– Не ябедничать, а советоваться, – поправила его девушка, не отводя взгляд от странной стены. – Мне такие фокусы знакомы еще со времен общения с Бездной. Если сейчас сквозь эту стеночку пройдет какой-нибудь злодей, я даже не удивлюсь.

Алексей осторожно попятился и в конце концов вытеснил Иру на крыльцо.

– Дверь прикрой, – почему-то шепотом посоветовала напарница. – Тебе не кажется, что стенка колеблется?

– Может быть, бросить в нее что-нибудь? – предложил Кузьменко. – Для уверенности. Вдруг она и в самом деле не плотная?

Ира ответить на его вопрос не успела. Центральный участок стены выгнулся, словно ткань под порывом ветра, и разорвался посередине, впустив внутрь домика какого-то незнакомца. Это был подтянутый мужчина в темной одежде и черной шапочке-маске. В руках он держал предмет, подозрительно напоминающий автомат. Стена за его спиной сомкнулась и после нескольких затухающих колебаний снова приняла вид вполне твердого участка строения. Алексей непроизвольно закрыл дверь и отпрыгнул в сторону. Вспомнив о застывшей от неожиданности Ирине, он схватил ее за куртку и потянул к себе. Как оказалось, весьма вовремя. Изнутри избушки послышались глухие хлопки, и верхний угол трухлявой двери рассыпался в мелкие щепки.

– Пора смываться, – возбужденно шепнул Алексей и, взяв Иру за руку, бросился к ближайшим кустам.

Редкий, лишенный листвы кустарник был не слишком хорошей защитой, но ничего другого сыщикам не оставалось. Перепрыгнув через пару не успевших растаять сугробов, они оказались под прикрытием редких деревьев, отделявших домик от реки. Алексей наконец выпустил руку напарницы и оглянулся. Погони пока видно не было, но Кузьменко прекрасно понимал, что впечатление может быть обманчивым. Так оно и получилось. Несколько пуль из бесшумного автомата злодея простучали по стволам ближайших берез, и стажеры были вынуждены пригнуться. Преодолев несколько метров на четвереньках, они снова поднялись в полный рост и побежали гораздо быстрее, чем можно было ожидать от людей, по колено увязающих в мокром снегу.

– Девятимиллиметровые... автоматы с глушителями... – сбивая дыхание, сообщил напарнице Алексей. – Спецназ?

– Надо их... опередить! – так же отрывисто крикнула Ира. – Бери левее... бежим к машине...

– Через пустырь... нельзя, – возразил Алексей, снижая темп.

– Мы потеряем транспорт! – возмущенно крикнула девушка.

– Это лучше, чем потерять жизнь, – заявил Кузьменко и остановился.

Он оперся руками о колени и попытался отдышаться. Ира с опаской посмотрела на оставшиеся позади деревья и, присев, вынула из кармана телефон. Несколько раз попытавшись набрать номер Эрика, она в конце концов оставила бесплодные попытки и сменила трубку на пистолет.

– Не берет, – призналась она в ответ на вопросительный взгляд напарника.

– Придется пробиваться с боем, – решительно заявил Алексей, тоже вынимая из кармана оружие.

– Шансов – ноль, – удрученно заметила девушка.

– Замерзать в этом лесу тоже не вариант, – продолжая храбриться, возразил Кузьменко. – Красавчик на нашем месте не раздумывал бы ни секунды.

– Он бы и не сбежал из домика. – Ира поморщилась. – С его-то подготовкой...

– Хорошо, – сдался Алексей, – давай подождем, пока стемнеет, и проберемся к машине.

– Если она к тому времени еще будет стоять там, где мы ее оставили, я куплю тебе бутылку шампанского, – со вздохом сказала Ира.

– Лучше кофе и горячих бутербродов, – предложил Кузьменко.

– Согласна. – Ира кивнула и вдруг приказала: – Ложись!

Алексей без лишних вопросов упал на сырую землю проталины. Ира молча вытянула руку в сторону берез, и он увидел, как между светлыми стволами деревьев движется несколько темных фигур. Они шли почти бесшумно и совершенно не интересуясь отчетливыми следами,

которые оставили беглецы. Прошло несколько минут, и последний из незнакомцев скрылся гораздо южнее того места, где притаились сыщики.

– Слава богу, – с большим облегчением произнес Алексей, переворачиваясь на спину.

– Вставай, простудишься, – сказала Ира. – Надо выбраться к машине, к действующему телефону.

– Мы пока ничего не нашли, – заупрямился Кузьменко. – Красавчик этого не поймет.

– Мы не возвращаемся, а только позвоним, – заверила его напарница. – Потом придем сюда с камерой и снова заляжем напротив избушки. Если оттуда выползет кто-то еще, мы зафиксируем это на видео. Вставай!

6

– Нет, Эрик, я ничем не могу помочь. – Голос Сидорова был полон искреннего раскаяния. – Мы этим чекистам как только ни объясняли: урка угробил нашего сотрудника, надо, чтобы все было показательно, а они смотрят сквозь нас рыбьими взглядами и твердят: «Дело государственной важности». Пушка у него, видите ли, не той системы оказалась! На что денег хватило, то на базаре и купил! Или по спецзаказу ему умельцы изготовили. При чем здесь ФСБ? Прокуратура – я понимаю, а эти-то? Не террориста же мы взяли и не шпиона? Бандит чистой воды... В общем, не добился я от них взаимопонимания.

– Не переживай, – успокоил я майора, – мы им еще покажем, кто лучше службу тянет... Ты сам-то оружие видел?

– Нет, но знающие ребята говорят, что «базука» просто, а не пистолет.

– Ясно. – Я задумался.

– Что тебе ясно? – спросил майор. – Опять пришельцы с того света?

– Пока не знаю, – ответил я.

– А говоришь «ясно», – назидательным тоном сказал Сидоров. – Что там, в деревне?

– Еще не созванивались, – вместо меня ответил Красавчик. – Но ты не волнуйся, разберемся.

– Надеюсь, – сказал Сидоров. – До связи?

– Что? – выходя из состояния глубокой задумчивости, спросил я. – А, да, до связи...

– Все не то, – заключил Красавчик, когда погас экран компьютера. – Пушку ему по спецзаказу сделать, конечно, могли, но кто бы сделал к ней патроны? Обрати внимание – гильза заводская, не какой-то кустарный образец, а массовое производство. Маркировка, правда, странная – две цифры и никаких букв, но не штучный это экземпляр, как ни крути...

– Согласен. – Я завел машину и развернул ее в направлении проспекта. – Поехали к Паше. Без беседы с уркой нам не обойтись, а помочь в этом нам сможет только Старшина.

Наш любезный друг Павел, с которым мы познакомились еще во времена истории с «Глазом Павлина», не так давно был переведен в наш город из северной столицы на должность заместителя начальника местного Управления контрразведки. Старшиной мы звали его по привычке, а он охотно на это прозвище откликался.

– Его нет в городе, – остудил мой пыл Красавчик. – Я заглядывал к чекистам позавчера. Пашу вызвали в Службу Охраны сам понимаешь кого, чтобы что-то там «порешать». Я в детали не лез... Короче, будет он не раньше субботы.

– А сегодня у нас?

– Четверг...

– Ладно, потерпим, – отступил я. – Что будем делать два дня?

– Смотреть за Василием, – предложил Красавчик. – Еще ты в деревню собирался позвонить.

– Да. – Я посмотрел на часы. – Ира пропустила условленное время связи. Странно...

– Ничего странного, – возразил напарник. – В глухих деревнях сотовые телефоны почему-то предпочитают молчать...

– Но спутниковые говорят, – ответил я. – Из машины, например...

Я набрал требуемый номер телефона, и стажеры отозвались почти мгновенно.

– Я, – возбужденно сказала Ира.

– Вы в порядке? – спросил я.

– Теперь да, – согласилась девушка. – Только подошли...

– Что там у вас? – задал вопрос Красавчик.

– Какие-то громилы со специальным оружием, – лаконично пояснила Ирина. – Появились как из-под земли и открыли по нам огонь. Ни с того ни с сего...

– Вы с ними контактировали? – настороженно спросил я.

– Мы убежали, – призналась Ира. – Сейчас они ушли к трассе, а мы вернулись к машине и намерены убираться отсюда со всех ног...

– Лучше голову задействуйте, – резким тоном предложил Красавчик. – Раз противник двинулся к шоссе, вам туда выходить пока запрещено. Пусть они отъедут подальше. Потом, не факт, что враги собрались в суровый и дальний поход. Может быть, они решили, что бегать за вами по селу смысла не имеет, а вот на перекрестке с трассой вы, без сомнений, рано или поздно появитесь. Улавливаешь мысль?

– Да, – ответила Ира. – Что же нам делать?

– Затаиться подальше от места стычки, а также от машины и ждать нашего приезда, – приказал Красавчик. – И никакой самодеятельности. Люди со специальным оружием – это вам не туристы с топориками... Все ясно?!

– Все, – уныло, но одновременно подтвердили Ира и Алексей.

Я выключил связь и потянулся. С одной стороны, стычка с какими-то воинами в глухой деревне казалась не менее странной, чем байки Сюртукова и их загадочное развитие, но мои мысли по-прежнему занимали только события, развернувшиеся вокруг Василия. Потому против того, что инициативу в «деревенском» деле перехватил Красавчик, я не возражал. С другой стороны, мы направлялись к месту серьезного столкновения – по крайней мере, столкновения вооруженного, – и подходить к вопросу равнодушно я не имел права. Внутренняя борьба закончилась победой здравого смысла, и я оставил размышления о десяти миллиметровом оружии, полностью переключившись на подготовку к возможной перестрелке.

– С чего им было палить в двух простых с виду ребят? – нарушил молчание Красавчик.

– От неожиданности, – предположил я. – Или они следовали строгой инструкции.

– Которая предписывает уничтожать мирных граждан, если они случайно окажутся в неполюженном месте? – спросил напарник. – Это наводит на мысль, что в той деревне действительно есть что-то стоящее. Возможно, мы лезем в очередную тайную обитель – вроде Реального Храма или территории Бездны. А может быть, это свои? Секретный радарный комплекс в лесу стоит или ракеты зарыты?

– Свои дали бы пинка под зад, и на этом все закончилось, – возразил я. – Или задержали в крайнем случае до выяснения личности. К тому же подобные объекты обычно охраняют солдаты с «калашниковыми», а не бойцы в масках и со спецоружием.

– Это верно, – согласился Красавчик. – Но какой-то бункер там есть. Они же откуда-то появились!

– В этом деле нам также было бы нелишним посоветоваться с Пашей, – сказал я. – Чтобы не влезть случайно в дела его конторы.

– Его ребята тоже не стреляют просто так, – возразил напарник. – Почти приехали...

Я завертел головой, выискивая подозрительные тени в придорожных кустах, но никого не обнаружил. Поворот к деревне был едва заметен. Размытый весенними ручьями проселок тянулся бесконечными километрами серой грязи между перелесками и покрытыми темнеющим снегом полями. Я приоткрыл окно и вдохнул свежий воздух. Запах талого снега был, казалось, единственным запахом на свете. Тишина нарушалась лишь редкими вскриками птиц и почти неразличимым гудением генератора нашего планера. Окружающий пейзаж казался окраиной рая или последним шагом к нирване. Покой был абсолютным и почти убедительным. Если бы не гуляющие по лесу вооруженные люди. Впрочем, и этот факт не стал бы для меня ложкой дегтя в такой вместительной бочке весеннего меда, если бы те люди не стреляли без предупреждения из бесшумных автоматов.

Наконец грязь размытой дороги исчезла, и теперь под днищем машины мелькали куски чудом не затонувшего в грунте щебня. На окраине Севостьяновки щебня стало неприлично много, и когда мы въехали на центральную улицу, то обнаружили, что она вполне пригодна для передвижения чего-нибудь менее экстравагантного, нежели планер на антигравитационной подушке или танк.

Судя по нарочито равнодушным взглядам, которыми нас провожали деревенские мальчишки, планер они видели отнюдь не в первый раз. Я подозревал, что во второй. Спрашивать нужное направление мы не стали, чем, видимо, и вовсе их обидели. Пацаны, как по команде, отвернулись, и только самый маленький из них продолжал стоять, зачарованно глядя на нашу летающую машину. Лично я вовсе не хотел их обижать или корчить из себя чопорного горожанина, но планер стажеров было видно и без пояснений. Он стоял у самого последнего на единственной улице дома.

Красавчик опустил нашу машину рядом с аппаратом стажеров и сразу же выпрыгнул на еще не до конца растаявший снег. Я тоже не стал задерживаться внутри планера и довольно быстро проследовал за напарником во двор крепкого, хотя и несколько неухоженного дома.

Ира и Алексей встретили нас у крыльца.

– Я же приказал залечь подальше от машины, – строго сказал Красавчик. – Жить надоело?

– Мы были в соседнем дворе. – Оправдываясь, Алексей махнул рукой за боковую изгородь. – Потом увидели вас и пришли сюда...

– Ладно, – смилостивился мой напарник. – Где находится объект?

– Там, – Алексей снова махнул, на этот раз за спину, – мы покажем.

– Человек, заменяющий слова жестами, признается тем самым, что лишен воображения, – назидательно сказал Красавчик. – Вы останетесь здесь, поэтому изволь указать маршрут поточнее.

– Почему здесь? – обиженно спросила Ира.

– Стажер не играет в хоккей, – язвительно улыбаясь, пояснил Красавчик.

– Трус не играет, – еще более обиженно исправила его Ира.

– Заметь, это не я сказал, – поднимая вверх указательный палец, ответил мой напарник. – Ты будешь наблюдать за нами с крыши, а мистер Кузьменко совершит марш-бросок по полям и лесам, чтобы зайти на объект со стороны реки...

Он поманил стажеров к нашему планеру и достал из машины две бесшумные винтовки с оптическими прицелами. Ира сразу же перестала хмуриться и, повесив оружие за спину, направилась в сарай, где дед Григорий, видимо, хранил лестницу. Понятливый хозяин воспользовался случаем и, ускользая от наших расспросов, засеменял следом за девушкой, чтобы помочь. Алексей внимательно выслушал указания Красавчика и зашагал в сторону реки.

– Увидишь кого-то подозрительного, прежде чем мы доберемся до избушки, возвращайся не раздумывая! – вслед ему крикнул Красавчик. – Не геройствуй.

Кузьменко, не останавливаясь, кивнул и пробормотал в микрофон прибора связи:

– Орать совсем не обязательно...

– Никакой дисциплины, – весело заметил мой напарник и развел руками.

– Мы сами-то идем? – отнимая от глаз бинокль, спросил я. – Отсюда – вроде бы чисто...

– Отсюда, – повторил за мной Красавчик. – Не забывай, что нам придется идти через пустырь в полный рост. Пусть «ворошиловские» стрелки сначала займут позиции и присмотрятся к местности. Подождем...

– Хорошо, – сказал я и оглянулся. – Эй, хозяин, ты где?

На мой призыв несколько секунд не было никакого ответа, а затем в сарае что-то стукнуло и зашаркали шаги. Дверь со скрипом отворилась, и на свет божий явился дед Григорий.

– Ну что, отец, – не оставляя старику времени на предварительные реплики, начал наступать Красавчик, – сам расскажешь, что тут творится, или дождешься очной ставки?

– Господь с тобой, юноша, – Григорий махнул сразу двумя руками, – нечего мне рассказывать! Не знаю я, что там делается! Я туда и не ходил до вчерашнего дня уж лет пять!

– Кто там жил? – более спокойно, нежели напарник, спросил я.

– Матрена, родственница моя, – с готовностью ответил старик, мгновенно определив, что «хорошим полицейским» сегодня буду я. – Странная бабка была, нелюдимая, прямо ведьма...

– Такая страшная? – вмешался Красавчик.

– Нет, гражданин начальник, просто нелюдимая, – отрицательно помотав головой, ответил Григорий.

– А в последнее время вы никого у того дома не видели? – по-прежнему благожелательным тоном спросил я.

– Никого, – с готовностью подтвердил старик. – Разве третьего дня почудилось, что свет там какой-то среди ночи зажегся. Ну, как от фонарика. Зажегся на минутку и пропал... А больше ничего!

Я похлопал старика по плечу и кивнул:

– Ладно. Спасибо за помощь...

– Так я всегда готов, – заверил дед. – Я пойду, девице вашей тулуп принесу, холодно на крыше-то пластом лежать. Еще застудит чего...

– Иди, – разрешил я.

Красавчик интерес к старику уже потерял и теперь, так же как я минуту назад, рассматривал домик Матрены в бинокль.

– Идем? – отрывая его от увлекательного времяпрепровождения, спросил я.

– Пожалуй, – согласился напарник, опуская прибор. – Хотя я и так вижу, что нет там никого...

– Осмотреть место все равно надо.

– Я не к тому. – Красавчик поморщился. – Вход в бункер может быть замаскирован так, что без помощи противника нам его не обнаружить...

– Они проходили прямо сквозь заднюю стену избушки, – вмешалась в разговор Ира.

– Бывает, – поправив закрепленный за ухом приборчик связи, скептически заметил Красавчик. – Ты хорошо это рассмотрела?

– Конечно, – с некоторым вызовом ответила Ирина. – Мы были в пяти метрах.

– И в вас не попали с пяти метров? – удивленно спросил мой напарник.

– Может быть, не хотели? – предположил я. – Опять тот же трюк, что и с гильзой...

– При чем тут басни нашего друга Василия? – еще больше удивился Красавчик.

– Как пример, – пояснил я. – Нас хотели заинтересовать и подкинули гильзу, здесь тот же прием трансформировался в якобы опасную стрельбу по нашим сотрудникам.

– У тебя выводы всегда – хочешь стой, хочешь падай, – качая головой, сказал напарник. – Главное – на пустом месте. Ведь ты фактически утверждаешь, что здесь присутствует тот же почерк, что и в городе. С чего ты так решил?

– На пять звездочек, – протягивая руку, предложил я.

– Не буду я с тобой спорить! – возмущенно отказался Красавчик. – Во-первых, кто бы ни выиграл – пить будем вместе, а во-вторых, твои предсказания всегда сбываются...

– С тебя коньяк, – заключил я.

– Но мы же не спорили!

– Потому что ты сразу сдался, а это наказуемо, – со смехом ответил я и двинулся через пустырь к избушке Матрены.

Судя по свежим следам, стажеры, выскочив на крыльцо, ретировались в сторону правого угла избышки. Дверь же пострадала от автоматной очереди, направленной в ее верхнюю левую часть. То есть в ребят пули попасть не могли при всем желании. Я продемонстрировал напарнику, как двигались, убегая, наши сотрудники, и заодно обошел домик вокруг. Задняя стена была свободна от каких бы то ни было пристроек. К тому же она оставалась обычной, довольно плотной бревенчатой преградой. Пройти сквозь нее без предварительного выстрела из гранатомета было бы проблематично. Вернувшись в дом, я сообщил о своих открытиях Красавчику, а он торжественно вручил мне несколько стреляных гильз. На этот раз и калибр и маркировка вещественных доказательств оказались вполне обычными. Однако напарник продолжил изыскания и нашел отпечатки ботинок, которые существенно отличались от следов стажеров и рисунком протектора, и размером. Красавчик старательно обвел мелом несколько грязных пятен, а затем пометил места, где валялись гильзы.

– Все, как один, – пятками к стене, – выпрямляясь, заметил он. – И гильзы справа, как и положено. То есть они вошли в стерильно чистой обуви, замарали ее уже в доме и вышли...

– Вот именно, – торжественно ответил я и оглянулся в поисках еще каких-нибудь улик.

Меня заинтересовал маленький продолговатый цилиндрок. Сначала я принял его за нарушившую предположения Красавчика гильзу, так как лежал он не у правой стены, а у левой, под самым окном, но потом я наклонился и понял, что это окурок. Его бросили, не затушив, и он погас сам, упав в небольшую лужицу талой воды. Осторожно выудив улику, я внимательно осмотрел все имеющиеся на ней надписи и положил окурок в пакетик.

– Я могу тебе и целую сигарету предложить, – разглядывая мою находку, сказал Красавчик, – не надо будет «бычки» подбирать...

– Скажи мне, «юноша», откуда в деревне, в доме, где никто не бывает, свежий окурок сигареты с фильтром, да еще подписанный арабской вязью? – поднимая пакетик с уликой на уровень глаз, спросил я.

– Да, – согласился Красавчик. – И табак в ней какой-то зеленый, будто невысушенный... Но мелко порубленный...

– Гильза десяти миллиметров? – гордо спросил я, пряча улику в карман.

– Пожалуй, – не стал спорить напарник. – Единый почерк почти налицо.

– Почему почти?

– Потому, что все это отрывки из обрывков, – ответил Красавчик. – Что мы имеем конкретно?

– Гильзу и окурок неизвестного происхождения. И то и другое почему-то оставлено на месте происшествия после тщательного заметания прочих следов. Плюс – предупредительная стрельба вверх голов, – перечислил я.

– Но нет никаких доказательств, что это дело одних и тех же рук, – возразил напарник. – То происшествие было в городе, а это в деревне. К тому же там дело взяли под контроль мы, а здесь наши стажеры. Откуда неизвестные знали, если они действительно умышленно подсовывают нам улики, что мы приедем сюда и найдем «бычок»?

– Стажеры все равно привезли бы его нам, – возразил я.

– Ага. – Напарник скептически скривился. – Привезли... если бы нашли. Ладно, я предлагаю отдать находки в лабораторию и потом, когда они проведут тщательную экспертизу, уже строить версии.

– Нехарактерно разумное предложение, – оценил я. – Но я хочу его дополнить. Надо бы оставить здесь пост.

Красавчик молча вынул из сумки походный набор различных «жучков» и закрепил над дверью небольшую телекамеру. Ее объектив он направил на середину пресловутой стены. Теперь все изменения можно было увидеть не проникая в дом. Однако радиус действия передатчика этого прибора был невелик, и потому нашим стажерам предстояло остаться в опасном

районе на неопределенное время в качестве операторов шпионской аппаратуры. Возражений со стороны стажеров не последовало, хотя мне показалось, что Ира вздохнула. Какие бы отношения нас ни связывали вне рабочего времени, сейчас я был к ее недовольству настроен равнодушно и даже отрицательно. Чаще всего мы работали только вдвоем с Красавчиком, но раз к делу пришлось привлечь стажеров, то и требования к ним мы предъявляли, как к самим себе. Это означало полную боевую готовность до самого окончания расследования, и тут уж было не до вздохов. Для городской девицы остаться на неопределенное время в необустроенной деревушке было как нож по сердцу, это я понимал, однако ничего поделать не мог. Или не хотел? Не знаю...

Мы неторопливо вернулись к планерам и проверили, как работает аппаратура слежения в машине стажеров. Чувствительная камера выдавала достаточно разборчивую картинку бревенчатой стены на дисплей компьютера, а датчик движения был готов включить запись в ту же секунду, как в фокусе появится нечто новенькое. Таким образом, у наших юных друзей была всего лишь одна простая задача – удрать по получению записи незаметно и быстро. Трудной работу я бы не назвал, хотя оттенок нервозности в ней, безусловно, был.

Или я так думал потому, что здесь оставалась Ира? Я, конечно, предпочел бы остаться сам, но для дела было полезнее, чтобы я вернулся в город. Вот, пожалуй, это противоречие между желаниями и интересами дела меня и угнетало, а порой даже заставляло сомневаться в собственной правоте. Ведь романтическая часть души звала меня в уединенное бунгало на Карибском острове в компании Иры, а преданность делу – которая тоже была частью моей души, причем большей, – требовала оставить все как есть и забыть о нежностях, во всяком случае, на ближайшее время. Не зная, как решить дилемму, я терзал себя сомнениями и... уверенно шел по второму пути. Тысячу раз был прав мистер Холмс, когда втолковывал своему приятелю, что холодный ум сыщика несовместим с сердечными делами. Тысячу раз...

Пока я боролся с эмоциями, Красавчик успел настроить всю наличную аппаратуру на постоянную связь, проинструктировать стажеров и даже пропустить «на посошок» стопку самогона, помирившись таким образом с дедом Григорием. Моему напарнику сомнения были неведомы, и это было к лучшему...

К окружающей действительности я вернулся уже на полпути к шоссе. Здесь дорога ныряла в обширную, хотя и неглубокую (судя по тому, что машина пропавшей девушки ее успешно преодолела) лужу, а деревья подбирались к грязному проселку почти вплотную. У меня мелькнула неоформленная мысль о том, что для засады это место самое подходящее и что если бы злодеи хотели подкараулить наших стажеров, то лучшей позиции им было не найти.

То, что эта мысль родилась не как гипотеза, а как предчувствие, выяснилось очень скоро...

7

– Справа! – крикнул Красавчик, нажимая педаль ускорения.

Как в моей руке оказался заветный «глок», я не понял, но одновременно с выкриком напарника я пригнулся и выставил руку с пистолетом в окошко, быстро открывшееся на нужные сантиметры. Выстрелы противника были бесшумными, а как пули вспарывали корпус планера, я не услышал из-за хлопков собственного оружия. Стрелял я по каким-то неясным теням между деревьями и потому вовсе не рассчитывал на успех, однако второй очереди, теперь уже нам вслед, не последовало. В чем было дело, я не понимал. Возможно, мне удалось подстрелить нападавшего или наше уничтожение в его планы не входило – как в случае со стажерами – и он просто решил нас лишний раз припугнуть? Одно теперь можно было сказать с полной уверенностью: «бункер» в деревне был.

– Сволочи! – озлобленно высказался Красавчик. – Никакого уважения к чужому имуществу!

– И к его противопопульной броне, – поддержал я напарника, указывая на две сквозные дырки в задней дверце.

Пули застряли где-то в районе стеклоподъемного механизма дверцы противоположной. Я переместился на средний ряд сидений и принялся увлеченно ковырять внутреннюю обшивку складным ножом.

– Да брось ты, – посоветовал напарник, – приедем в лабораторию, там и разберемся...

– Любопытство гложет, – пояснил я, продолжая работу. – Странно.

– Что? – Красавчик обернулся.

– Пуля девятимиллиметровая, но бронебойная, – демонстрируя находку, ответил я, – прошла корпус, как фольгу.

– Патрон «СП-6», – мельком взглянув на улику, сказал Красавчик, – и шума не было. Спецоружие?

– Выходит, что так, – согласился я. – Что-нибудь вроде АС «Вал»...

– А почему нас не сбили из «Мухи», например? – пустился в рассуждения напарник.

– Во-первых, еще не вечер, – ответил я. – А во-вторых, они нас просто припугнули...

Как и стажеров.

– Сто второе последнее китайское предупреждение? – Красавчик ухмыльнулся. – Так враги в конце концов могут потерять терпение, и тогда нам придется отбиваться по-настоящему.

– Я думаю, что еще пару раз они нас предупредят, – оптимистично предположил я.

– А мне кажется, что уже следующая их попытка будет более удачной, – возразил напарник, – если мы не бросим это дело.

Он хитро посмотрел на меня, прекрасно зная, что отступить я не намерен хотя бы потому, что до сих пор так и не обзавелся подобной привычкой. Видимо, выбор того, кто вовлек нас в текущую игру, был обусловлен именно фактом нашего с Красавчиком исключительного упрямства. Я еще раз повертел перед глазами деформированную пулю и вдруг понял, что в комбинации не хватает какого-то важного звена. Факты никак не желали стыковаться с артефактами: гильза десяти с пулями девяти миллиметров, а наваждения Сюртукова с необычным окурком. Может быть, между этими вещами действительно не было никакой связи? А я от избытка опыта в расследовании необъяснимых происшествий пытался притянуть одно к другому за уши? Частично ответ на эти вопросы должны были дать эксперты криминалистической лаборатории, а вот более полную картину не смог бы нарисовать никто. Доказательств было маловато.

Пока чародеи от науки колдовали над привезенными нами уликами, мы с Красавчиком решили навестить товарища майора Сидорова. Лично у меня к нему был один, но весьма важный вопрос: откуда он узнал о сигнале от деда Григория, если областные происшествия лежали далеко за пределами его сугубо городской компетенции?

Майор сопротивлялся нашему любознательному натиску отчаянно, но недолго. В конце концов, он запер дверь в кабинет и вынул из металлического шкафа, который почему-то именовал сейфом, бутылку коньяка, стопку пластиковых стаканчиков и слегка пожухший лимон. Он долго вскрывал заветный сосуд, потом очень неспешно разлил напиток по стаканчикам и принялся пилить тупым столовым ножом цитрусовую закуску. Все его телодвижения говорили о том, что Сидоров из последних сил пытается придумать как можно более убедительную отговорку или легенду. Выдавать своего информатора ему почему-то очень не хотелось.

После первой рюмки, слегка лизнув истерзанную дольку лимона, майор оставил все свои творческие потуги и признался:

– О звонке жена сообщила. Григорий мне домой звонил.

– Вот как? – Красавчик забросил в рот целую дольку и, тщательно прожевав лимон, устоялся на майора с укором. – Так ты еще и деревенский?

– Я в этой Севостьяновке два месяца безвылазно просидел, – пояснил Сидоров. – Давно это было, лет двадцать, нет, года двадцать два назад. Я практику тогда проходил... Участковый меня к деду Григорию поселил, а начальство приказало без результата не возвращаться. Вот я и провел там расследование. Сколько мы с дедом самогона выпили – страшно вспомнить... С тех пор он из милиционеров никого, кроме меня, не признает. Редко мы с ним после того встречались, но бывало. Вот он мне и позвонил по старой дружбе. А я, когда узнал, что в деле опять Матренина изба фигурирует, так сразу и решил, что это как раз для вашей конторы дельце. Моим ребятам и без чертовщины есть чем заняться...

– А нам, значит, заняться нечем? – обиженно спросил Красавчик.

– Ну, вы же скучными делами не занимаетесь, – Сидоров ехидно прищурился и разлил коньяк снова, – пьяные убийцы с кухонными ножами для вас рутина...

– Сидоров, не заводи меня, – с ухмылкой потребовал Красавчик.

– Как можно? – продолжая язвить, откликнулся майор. – Кто я такой, чтобы задираться на крупнейших частных сыщиков века?

Мы опрокинули по второй, и Красавчик как бы между прочим спросил:

– Так тебе уже на пенсию пора?

– В общем, да, – не чувствуя подвоха, ответил Сидоров.

– Надо же, – Красавчик с деланным удивлением поднял глаза к потолку, – с таким стажем, а уже майор...

Я взглянул на партнера осуждающе. Сидоров, конечно, тоже был не прав, но все-таки мы приехали не для обмена шпильками. Я жестом потребовал от насупившегося майора налить по третьей и спросил:

– В том старом деле Матренина изба чем-то прославилась?

– Да. – Сидоров кивнул. – Двое ребятшек по зиме пропали, а весной оттаяли прямо перед ее крыльцом. Тогда по району и так раскрываемость была нулевая, вот меня и загнали в деревню практиковаться до полной победы. Я как только ни вертел, все прикидывал, что к чему, но ничего не доказал. Получалось, что они в буране заблудились, а потом свет в окошке увидели, да не дошли, замерзли. Но вся жуть заключалась в том, что детки эти пропали ночью, из родительского дома, прямо в чем спали. И ни в ту ночь, ни наутро никакого бурана не было. Однако, сколько ни искали мужики, никаких следов не обнаружили. И участковый тоже только руками разводил. Потом чуть ли не всю деревню перерыли, а у Матрениной избы раз пять проходили, причем именно по тому месту, где они весной оттаяли, – не было ничего. До земли рыли – не было...

– И чем все закончилось? – спросил я, когда Сидоров взял длинную паузу.

– А ничем, – ответил майор. – Тела в райцентр увезли и, что странно, так родителям и не вернули, а меня отозвали. Рапорт мой никто даже читать не стал. Похвалили за проделанную работу и отправили обратно в город. Так вот я и начал трудовую деятельность. До сих пор иногда вспоминаю, как мать этих пацанов убивалась. А я стоял и ничего не мог ей сказать...

Сидоров выпил очередную порцию и вздохнул.

– Ну а раскрой ты это дело, ей бы что, намного легче стало? – спросил я.

– Нет, конечно, – согласился майор, – но так, в полной неизвестности, оставаться совсем уж погано... А вы-то что раскопали?

– Пока ничего конкретного, – признался я, – но элемент чертовщинки в деле присутствует, ты прав. Не проста была тетка Матрена. Очень даже не проста...

– Я, пока в деревне «керосинил», о ней тоже много чего наслушался, – согласился Сидоров. – Люди говорили, что колдует Матрена помаленьку. В церковь тогда никто особо не ходил, но иконы у всех были, да и Пасху с Рождеством народ праздновал, а эта – никогда. Даже Григорий к ней дольше чем на минуту не забегал. Он грамотный был, ни в какие сказки не верил, но отговорка и у него была не очень убедительная. «Что я, – говорил, – ворчания бабьего не слышал?»

– Насчет колдовства не знаю, – возразил я, – но для чего-то Матрена себя народу противопоставляла. Возможно, чтобы никто к ее избе не подходил ближе, чем положено, или по какой-то другой причине... Мы сейчас это как раз и выясняем.

– Я боюсь, что девица эта, пропавшая, могла по той же схеме, что и пацаны, исчезнуть, – неожиданно сказал Сидоров.

– Двадцать лет прошло. – Я пожал плечами. – Матрены тоже нет...

– Да не в тетке дело было, я уверен. – Майор нахмурился. – Я за прошедшие годы эту историю как только не выворачивал... Тут что-то по вашей части. Не знаю, в общем, что... Чертовщина, одним словом.

– Ладно. – Я дожевал лимон и поднялся. – Разберемся. Если что раскопаем, мы тебе позвоним, хорошо?

– Конечно. – Майор заткнул бутылку пробкой и спрятал обратно в «сейф». – Дерзайте, орлы...

– Машенька, не сдвинулось ли наше дело с мертвой точки? – галантно кланяясь хорошенькой лаборантке, спросил Красавчик, когда мы снова объявились в лаборатории.

– Вы у Адама Арнольдовича спросите, – смущенно краснея, посоветовала девушка.

Почему все юные создания женского пола реагировали на моего напарника одинаково, я не мог понять никогда.

– А где скрывается этот наследник Тевтонского ордена? – совсем уже раздевая бедную Машеньку взглядом, спросил Красавчик.

– Я здесь, – откликнулся из дальней комнаты эксперт, – проходите...

– Я вернусь, – пообещал девушке мой напарник.

Она опустила глаза и судорожно кивнула. Я покачал головой и выразительно посмотрел на Красавчика. Он же самодовольно улыбнулся и двинулся на голос эксперта. Магия была налицо... Я поймал себя на том, что коньяк несколько сбил мысли с пути жесткой логики и расположил меня к принятию необъяснимых явлений на веру. Это было неправильно, а потому я встряхнулся и, догнав напарника, шепнул:

– Даже самые злобные хищники не нападают на трепетную лань, когда сыты...

– Я твердо решил, что выставлю пригревшуюся в моем скромном жилище «монстру», как только вернусь домой, – ответил Красавчик. – Так что не настолько я отвратителен, как тебе кажется...

- Она требует выкроить время для посещения Дворца бракосочетаний? – догадался я.
- Вот именно, – ответил напарник.
- То-то, я смотрю, ты решил уйти с головой в работу...
- Я так решил? – Красавчик иронично посмотрел сначала на меня, а потом перевел взгляд туда, где осталась Машенька. – Возможно. Хотя мне кажется, что я скоро передумаю...
- Господа, – вмешался в наши перешептывания взволнованный эксперт, – разрешите вас поздравить с совершенно невероятными находками.
- Адам, – осторожно сказал я, – возьми себя в руки и прекрати преувеличивать.
- Эрик, говорю тебе, как тевтонский рыцарь тевтонскому рыцарю, никаких преувеличений! – заверил меня эксперт. – Я не смог установить происхождение четырех компонентов! Табак, бумага, фильтр и, главное, надпись! Все необычное! Я отправил факс одному профессору-востоковеду, и знаешь, что он мне ответил? Нет в арабском языке такого слова! А табак! Такой сорт мог произвести в нашей промышленности полный переворот!
- При чем здесь промышленность? – резонно спросил Красавчик. – Тем более – наша. Это скорее компетенция сельского хозяйства, но и в этом случае у нас, кроме пшеницы и картошки, ничего не растет...
- Не уходите от темы, – потребовал я. – Бумага и фильтр тоже не имеют аналогов во всем мире, я правильно понял?
- Не знаю, как во всем мире, но в моей базе данных ничего подобного нет, – согласился Адам. – Теперь о гильзе. Основа лака включает довольно странный компонент. Его химическая формула...
- Стоп, – перебил я эксперта. – Странный компонент. Достаточно. Дальше.
- Да, конечно, – поправляя очки, согласился Адам. – Калибр определяли в баллистической лаборатории. Им не помогли никакие справочники. Десять и тридцать четыре сотых – таков истинный диаметр покинувшей эту гильзу пули, а что до маркировки, то она может быть нанесена кем угодно, но только не известным нашим экспертам изготовителем. Таким образом, все ваши улики – полнейший нонсенс, и в то же время они существуют. Такие парадоксы не мне объяснять, а потому...
- Спасибо за помощь, Абрамыч, – перебивая, поблагодарил Красавчик.
- Арнольдович, – поправил эксперт.
- Ну да. – Напарник ухмыльнулся. – До встречи...
- Что ты всех достаешь? – с досадой спросил я, когда мы покинули здание лаборатории. – Чем тебе не угодил Адам?
- Да ничем. – Красавчик пожал плечами. – Характер у меня такой. Будто ты не знаешь?
- Подсыплет он тебе в кофе фенолфталеина как-нибудь, – предупредил я. – Сразу забудешь, как обижать слабых.
- Ну, обниматься со всеми подряд я тоже не намерен, – упрямо ответил напарник. – Разве что с девчонками...
- Ладно. – Я сдался, поскольку перевоспитывать его определенно было поздно. – Что мы имеем теперь?
- На мой взгляд, ничего нового, – ответил Красавчик. – То, что «бычок» был импортным, а гильза нестандартной, мы знали и без экспертизы.
- Однако Адам сказал все же больше, чем ты услышал, – с оттенком осуждения заметил я. – И то и другое не имеет аналогов. Разве это не странно?
- Просто у них слишком хилые базы данных, – возразил Красавчик.
- Два исключительных вещдока в один день? – продолжая гнуть свое, спросил я и покачал головой. – Не верю.

– Пока мы не расспросим задержанного чекистами бандюгу или не найдем пропавшую в деревне девицу, ни в том ни в другом деле прорыва не будет, – уверенно заявил Красавчик. – Все остальное – цацки...

8

Напряженный день подобрался к своему завершению, так и не удосужившись дать нам хотя бы один приличный ответ на поставленные вопросы. В деревне было тихо. Ира сообщала, что они по очереди сидят в планере перед приборами, не выпуская внутреннее убранство избушки из поля зрения ни на минуту, а также периодически поглядывают на нее в бинокль. Результат пока был нулевой, но, если честно, на него я и рассчитывал. Деятельность «поднадзорного» Сюртукова была не столь бурной, как у наших стажеров, – он бессовестно дрых уже шестой час подряд, хотя время суток я бы определил как ранний вечер. Видимо, утренние переживания сломали его чувствительную психику окончательно, и теперь он залечивал душевные раны при помощи самого доступного бальзама – сна.

Я переадресовал прием изображения от приборов в квартире Василия и с аппаратуры связи планера на свой домашний компьютер, после чего, оставив машину в подземном гараже, поднялся в квартиру. Без Иры в ней было как-то пусто. Хотя до ее появления здесь изредка хозяйничали и другие женщины, никогда временное отсутствие кого-то из них не чувствовалось настолько остро. Может быть, я наконец-то созрел, чтобы поразмыслить над ранее игнорируемыми сторонами жизни? В частности, над тем, не хочется ли мне на все плюнуть и... И что? Плюнуть и поехать в деревню, чтобы снять Иру с бессмысленного дежурства, привезти домой и, выкупав в ароматной ванне, уложить в теплую, чистую постель? Или плюнуть на глупые переживания и, приняв душ, просто завалиться спать? Первый вариант был бы шагом не новым, хотя уже подзабытым. Второй тоже не нес революционной нагрузки. А мне хотелось чего-то необычного. Впрочем, хотелось ли? Не знаю, как называют такие периоды жизни психологи, но я бы назвал это порой сомнений зрелого возраста или – в духе нашей страны – традиционным августовским потрясением устоев. Казалось бы, чего еще хотеть от жизни человеку, работающему в свое удовольствие, не нуждающемуся в деньгах, получающему острые ощущения в предостаточном и даже избыточном объеме, а также удовлетворенному личной жизнью? Нечего? Но ведь это скучно. Вот такой парадокс: только что вынимал из обшивки машины пули, стрелял по врагам, уходил от погони и... изнывал при этом от скуки, потому что подобный образ жизни вошел в привычку и перестал быть щекочущей нервы экзотикой. А самое противное в сложившейся ситуации было то, что никакой другой вид развлечений не мог послужить достойной заменой реалиям такого вот суматошного существования. Ну, разве что полет в космос или воспитание детей?

Я без особого успеха попытался отогнать мрачные мысли и направился в душ. У самого порога в ванную комнату я опустил взгляд и невольно отпрянул. На дверном косяке светилось небольшое рубиновое пятнышко. Мне оставалось сделать только один шаг, чтобы красная точка переместилась на мою грудь. Я подобрался к окну, через которое в квартиру мог попасть образовавший пятнышко лазерный луч, и осторожно выглянул на улицу. Снайпер сидел на крыше соседнего дома. Ни стрелять, ни прятаться он пока не собирался. Такая демонстративная тактика подтверждала тезис о многократности «китайских» предупреждений от преследующих нас злодеев. Я закрыл жалюзи и вернулся к порогу ванной. Теперь мне предстояло решить непростую задачу. Если я войду, то два этих коротких шага – туда, а потом обратно – могут стать последними в жизни, поскольку, даже не видя меня через жалюзи, стрелок в любой момент вполне мог нажать на спуск и попасть – линию огня он уже определил при помощи целеуказателя. Получалась своеобразная рулетка. Я был не то что не игрок, просто принимать душ в бронежилете мне показалось глупым. Я отошел в глубь квартиры и, усевшись в кресло перед компьютером, закурил. Ждать пришлось недолго. В окне напротив входа в ванную комнату звякнуло стекло, а от косяка отлетело несколько щепок. Фигура стрелка в тот же момент исчезла, и теперь контур крыши соседнего дома не был искажен никакими посторон-

ними тенями. Это я рассмотрел, приоткрыв жалюзи снова. Дырка в стекле была аккуратной, и почти никаких лишних трещин от нее не пошло. Это меня устроило.

После того как я освежился и почти уже перешел в горизонтальное положение, раздался звонок телефона. Я был почти уверен, что звонит Красавчик, которого тоже либо обстреляли, либо попытались побить неизвестные.

– Тебя доставали? – вместо традиционного «алло» сразу же спросил напарник.

– Не все же нам кого-то обижать?

– Да я, кстати, и не обиделся, – заметил Красавчик. – Подумаешь, в окошко выстрелили!

– Тебе тоже? – Я усмехнулся. – Фантазию они особо не напрягают. Ты убедился, что я был прав?

– Лишний раз, – признал напарник. – Но ты знаешь, я почему-то еще больше захотел их найти.

– Ладно, – я не удержался и зевнул, – утром решим.

– Ты что, ляжешь спать после такой встряски? – немного удивленно спросил Красавчик.

– А что ты предлагаешь? – Я снова зевнул. – Они нас предупредили, а мы, как паиньки, притихли и даже уснули. Чем не идиллия?

– Ты становишься черствым и равнодушным, – осудил меня Красавчик.

– И это говоришь мне ты? – Я рассмеялся. – До утра, дружище. Машеньке привет.

– А ты откуда узнал, что она у меня? – настороженно спросил напарник.

– А я и не знал, – ответил я, укладываясь между тем в постель, – просто предположил...

– Иногда я боюсь, что ты читаешь мысли и видишь сквозь стены, – признался Красавчик. – Ну ладно, спать так спать...

Проспал я, как и задумывал, ровно четыре часа. Будильник я не заводил, а просто, перед тем как уснуть, несколько раз повторил себе, что следует встать в три тридцать, и для закрепления этой психологической установки представил, как вокруг будет тихо, темно и спокойно. Внутренние часы сработали, как всегда, почти безотказно, и в три сорок пять я наконец-то проснулся. Неторопливо умывшись и проглотив из холодильника что-то в темноте непонятное, я, так и не включая нигде свет, оделся и нацепил все необходимые атрибуты. От недосыпания бронежилет казался чересчур тяжелым, пистолет громоздким, а «молния» на куртке почему-то заедала. И вообще, жутко хотелось завалиться обратно на кровать и досмотреть так не вовремя оборвавшийся сон. Наконец я собрался и пошел к лестнице черного хода. Выбираться из здания через парадный подъезд или гараж было бы слишком заметно.

Красавчику я позвонил уже из запасной квартиры. Он ругался довольно сдержанно – видимо, стеснялся Машеньки, – но долго. Тем не менее ровно через полчаса он уже сидел напротив меня и, обжигаясь, пил большими глотками крепкий кофе.

– Только учащенное сердцебиение от этого пойла, – недовольно проворчал он, наливая себе еще чашку. – Ты когда начнешь излагать свой на редкость удачный план?

– Никогда, – ответил я, – поскольку он уже осуществлен.

– Спрятаться здесь и было твоей гениальной задумкой? – удивленно вытаращив глаза, спросил Красавчик. – Зачем?

– Чтобы противник занервничал, – пояснил я.

– Ты сорвал мне такое свидание! – простонал напарник, поднимая взгляд к потолку. – Сказку вечной любви! Ты это хотя бы понимаешь?

– Понимаю, – серьезно ответил я. – Но Машенька никуда не денется, а враги скоро перейдут к следующей фазе – стрельбе на поражение.

– А на завтра она взяла отгул, пообещала дожидаться меня с работы и устроить романтический ужин, – мечтательно вздохнув, сказал Красавчик. – К чему, ты говоришь, они перейдут?

– Проснись, – потребовал я. – К стрельбе на поражение.

– Откуда у тебя опять эта железная уверенность?! – неожиданно взорвался Красавчик.

– Прекрати завидовать моим умственным способностям! – так же резко оборвал его я. – Ты забыл, кто из нас теоретик, а кто практик? Я лезу тебе под руку с расспросами, когда ты проводишь захват вооруженного преступника или пытаешься с тысячи метров попасть в глаз вороне?

– Не пытаешься, а попадаешь, – успокаиваясь, поправил меня Красавчик. – Не выпался я...

– Не извиняйся. – Я с пониманием кивнул. – Я предлагаю зайти нашим оппонентам в тыл и проследить, куда они отходят после нанесения своих точечных ударов.

– Согласен, – сказал напарник. – Это лучше, чем сидеть и ждать, когда тебя соизволят подстрелить через окно или взорвать вместе с дорогостоящей машиной.

– Я оставил вокруг своего дома три камеры слежения, – сообщил я, – еще четыре с незапамятных времен стоят рядом с твоей лачугой. Твой дом предпочтительнее потому, что в районе высотных зданий даже ночью бродит слишком много посторонних, а в квартале частных домов каждый подозрительный посетитель как на ладони. Делаем просто: ты возвращаешься домой, зажигаешь свет и начинаешь усиленно собираться в поход. Желательно делать это на фоне небрежно зашторенных окон. Потом выводишь из гаража планер с потушенными фарами и растворяешься в предрассветном тумане. Если за тобой никто не поедет, ты сойдешь с борта машины и отправишь ее на дистанционном управлении в сторону зоны отдыха. Движение утром слабое, так что столкнуться твой экипаж ни с кем не должен. Загонишь планер в лес, поближе к реке, и оставишь там. Я тебя подберу, мы займем позицию в кустах и будем ждать громил. Если же за тобой увяжется «хвост», то выходить из машины не обязательно – слежка будет означать, что взрывать тебя не собираются.

– Я все понял, – согласился Красавчик.

– А раз понял – вперед, – подытожил я. – В первом случае они в конце концов обнаружат, что мы их надули, и свяжутся с базой, а если нам повезет – поедут туда – доложить о проколе – лично. Во втором случае в тылу у врагов останусь только я, но это вряд ли осложнит ситуацию. Особенно после того, как ты ускользнешь и они опять же будут вынуждены связаться со своим штабом.

– План – так себе, – по привычке скептически кривясь, сказал напарник, – но попробовать стоит.

– Клиент выехал, – доложил невидимый наблюдатель.

– Следуйте за ним, – послышалось в ответ.

Я с удовлетворением зафиксировал частоту и выглянул из скрывающей меня подворотни. До жилища Красавчика было целых четыре квартала, и встретиться с противником я не опасался, но соблюдать осторожность уже просто вошло в привычку. Я взглянул на экранчик прибора слежения, который был выполнен в виде наручных часов, и обнаружил то, что, собственно, ожидал. Спустя минуту после отбытия Красавчика мимо его дома проехал довольно неприметный отечественный автомобиль. Полную уверенность в том, что машина принадлежит противостоящей нам группировке, обеспечивали ее погашенные фары. Экипаж въехал в зону наблюдения высокочувствительной камеры, и я без труда разобрал его модель и номер. Единственное, в чем я не был до конца уверен, – это цвет автомобиля. Впрочем, остального было вполне достаточно. Я вернулся к своему планеру и медленно поехал по оговоренному с Красавчиком маршруту.

Все шло как нельзя лучше до того момента, когда ситуация сменилась на прямо противоположную. Машина преследователей вдруг свернула на второстепенную дорогу и растворилась в сумеречных тенях спящего квартала. Теперь получалось, что за моим напарником не ехал никто, кроме меня самого. Это был достаточно неожиданный ход, и означать он мог что

угодно: от прекращения слежки до намерения обойти планер Красавчика по параллельным улицам и устроить засаду. Пока я размышлял о сути маневра противника и о том, увидел ли его напарник, обстановка изменилась снова. Поворот, в котором исчезла машина «наружки», остался далеко позади, и я даже не понял, почему моя рука потянулась к кнопке, включающей телекамеру заднего обзора. На экране компьютера тотчас возник силуэт автомобиля с погашенными фарами, который двигался теперь уже за мной. Стало очевидно, что наш план потерпел полнейшее фиаско. Противник в очередной раз доказал, что на таких простеньких финтах его не провести. Не видя больше смысла играть в прятки, я включил фары и быстро догнал крадущегося по проспекту напарника. Его планер шел с разрешенной скоростью по идеальной прямой, что сразу же навело меня на мысль о дистанционном управлении.

– Ровно тридцать секунд назад ты проехал мимо моей позиции, – объявившись в эфире, подтвердил догадку Красавчик.

– План «Б», – коротко ответил я и выключил приемник.

Если враги так легко разгадали наши намерения, то вычислить нужную частоту им было бы тоже не трудно, и нам следовало соблюдать радиомолчание. Красавчик понимал это не хуже меня и выйти на связь больше не пытался. Я надеялся, что он догадается, как вывернуть наш второй план наизнанку, ведь мы договаривались совсем не о том, что сейчас происходило на ночном шоссе. Противник шел за мной, а не за Красавчиком, к тому же напарник остался без транспорта и, значит, прийти на помощь не мог. И чем дальше я уезжал, тем меньше оставалось надежды на его своевременное вмешательство...

Я обогнал беспилотный планер напарника и включил инфракрасный маячок, чтобы вторая машина могла идти вовсе без управления человека, ориентируясь на мой аппарат как на «ведущего». Компьютерный автопилот в этом случае прекрасно справлялся с управлением, следуя за головным аппаратом как приклеенный и повторяя все его маневры с бездумной электронной точностью. В тот момент, когда я избавил Красавчика от возни с машиной, на его пульте радиоуправления должен был загореться определенный символ. Я очень надеялся, что напарник не дремлет и тут же займется поиском нового транспорта. Преследователи между тем, словно получив приказ не заниматься глупостями, тоже включили фары и приблизились к моему тандему на дистанцию каких-нибудь ста метров. Честно говоря, я не понимал, на что они рассчитывают, и это склонило меня к мысли, что ребята просто требуют не совершать резких движений. Ведь развить скорость под триста километров в час я мог без вопросов, а вот их «Ладе» такой подвиг был не под силу, даже если в ее чрево техники умудрились втиснуть двигатель от «Мерседеса»...

Немного поразмыслив, я так и сделал. Машина «наружки» исчезла в сумрачной дали за считанные секунды, и никакой засады мне на пути не встретилось. Противник блефовал, но я оценил его попытку достаточно высоко, потому что сам на их месте поступил бы точно так же. Подобная схожесть в образе мышления наводила меня на довольно странные догадки об одних и тех же специальных программах, по которым проходили подготовку мы и наши оппоненты... Что совершенно не вязалось с исключительностью найденных нами улик. То есть я получал очередное подтверждение тому, что преследователи совсем не обязательно являются теми людьми, кому когда-то принадлежали найденные нами артефакты. Кем же тогда были эти навязчивые злодеи? Чекистами, которым не нравится, что мы лезем в их тайные дела? Но в этом случае они могли бы просто сделать звонок в наше агентство и предупредить, чтобы мы не совались на их игровое поле. Из уважения к их болезненному самолюбию мы бы последовали совету незамедлительно. Однако нам никто не позвонил, и, значит, позади меня остались не «дзержинцы», а кто-то еще, совершенно не заинтересованный в раскрытии своей профессиональной принадлежности. Кто другой мог так тщательно скрывать истинное лицо? В общем-то кто угодно, но не у всех была приличная аппаратура для прослушивания телефонных и радиопереговоров, а также специальное бесшумное оружие вроде автоматов «вал».

– Я их веду, – снова нарушая конспирацию, доложил Красавчик.

Ответить я не успел, потому что напарник тут же прекратил передачу. Согласно плану, я свернул в лесопарковую зону и остановил машины на берегу реки. Немного поразмыслив, я отошел под прикрытие сонных голых деревьев и затаился, напряженно вглядываясь в утренние сумерки. Прождал я не меньше часа.

– Ничего не выйдет, – внезапно появляясь откуда-то сзади, заявил Красавчик.

– Ты научился летать? – Я удивленно опустил взгляд к земле, которая сплошь была покрыта мелкими ветками. Они должны были хрустеть при каждом шаге напарника, однако ничего подобного я не услышал.

– Ты просто такой же глухой и слепой обыватель, как подавляющее большинство наших клиентов, – вежливо пояснил напарник. – Я иногда удивляюсь, как тебя до сих пор не застрелили насмерть... Ладно, ближе к делу. Я проследил за противником, насколько смог. В погоню за тобой они, конечно, не бросились, но и меня дожидаться не стали. Пока я реквизирувал один из автомобилей, легкомысленно оставленных гражданами на ночь у подъезда, враги умчались в неизвестном направлении.

– Значит, пока мы ничего нового о них не узнаем, – сделал вывод я.

– Очень верно сказано, – с издевкой ответил Красавчик. – Хотя кое-что мне уже ясно: воспитывали нас по одинаковым учебникам, и я подозреваю, что одни и те же инструкторы.

– Ты знаешь, я хотел сказать тебе примерно то же, – согласился я. – Очень уж их стиль похож на твой. Постоянное действие без особых раздумий, но в то же время планирование ситуации на три-пять ходов вперед.

– Велосипед можно изобрести, а можно купить в ближайшем спортивном магазине, – ответил напарник. – Если есть учебники, зачем сочинять тактику на ходу? Ребята действуют правильно, основываясь на знаниях предыдущих поколений. Разве тебе не известно такое понятие, как «школа»? В военной разведке она более чем серьезная, и потому людям, хорошо изучившим ее рекомендации, не имеет смысла от них отступать...

– Ты говоришь так, словно уверен, что наш противник – родная военная разведка? – удивленно заметил я. – Почему?

– «Школа», я же тебе уже пояснил, – ответил напарник. – Мало?

– Мало, – сказал я. – К тому же мне пока непонятен их мотив. Почему они отпугивали нас от домика в деревне? Зачем они «предупреждают» нас, хотя вполне могли бы убрать совсем?

– Может быть, мы до сих пор живы только потому, что не понимаем мотива? – предположил напарник. – В любом случае нам придется придумать что-нибудь более оригинальное, чтобы выяснить, кто стоит за нашим противником. Простыми «догонялками» тут не обойтись...

9

Возвращаться домой нам не хотелось, и потому, немного поразмыслив, мы поехали в контору. В столь ранний час в агентстве делать было особо нечего, но как раз такой паузы нам и хотелось. Мы получили возможность посидеть в тишине и подумать о смысле жизни. Вернее, о том, что мы сделали в ней не так, если снова попали в какой-то переплет.

Красавчик, видимо, чтобы подстегнуть мыслительный процесс, прикипел к холодильнику и начал методично пожирать его содержимое. Я поддержал творческий порыв напарника только в отношении напитков. Выпив пару стаканов яблочного сока, я включил компьютер и проверил почтовый ящик. Он был, как обычно, полон сообщений от очевидцев разнообразных аномальных явлений и приглашений на заседания множества клубов – от общества уфологов до клуба служебного собаководства. Иметь в конторе хорошую ишейку я был бы в принципе не против, но вот чем нас рассчитывали заинтересовать «контактеры», мне было непонятно. Мы уже неоднократно отвечали на их приглашения, и каждый раз вежливым отказом, однако они с упрямством помешанных зазывали нас на каждое заседание. Впрочем, их упрямство могло быть и в самом деле обоснованным. Я имею в виду не то, что они действительно контактировали с пришельцами, а легкие психические отклонения...

Наконец в горе электронной макулатуры я все же нашел кое-что интересное. Это оказалось короткое и гневное сообщение от Иры: «Я обращаюсь к электронной почте, как последнему способу привлечь ваше внимание! Остальные средства связи почему-то молчат! Разве можно так бессовестно дрыхнуть, когда товарищи погибают от скуки в деревенской глуши?! У нас аврал: появилась пропавшая Лена! Если до пяти утра вы не соизволите выйти на связь и не скажете, как с ней поступить – мы привезем ее в контору!»

Я взглянул на часы. Было уже шесть. Значит, стажеры находились в пути. Я набрал номер телефона в их машине и подозвал Красавчика. Напарник прочел сообщение и пожал плечами.

– Я телефон не отключал. – Он вынул из кармана трубку и проверил заряд ее батареи.

– Я тоже. – Я, как и он, проверил свой телефон. – Неизвестные опять попытались нам насолить?

– Возможно, – согласился напарник. – Хотя мне кажется, что мелкое хулиганство не их профиль.

– В любви и на войне хороши любые средства, – возразил я. – Не отвечает.

Я выключил трубку и сложил ее обратно в карман.

– Спутниковый телефон? – Красавчик удивленно посмотрел на меня. – Но в Сеть Ира могла выйти только через него.

– Значит, сообщение пришло раньше, чем неприятель оставил нас без связи, – предположил я.

– Или послание пришло не от нее, – продолжил мысль напарник. – Надо проверить, где находится их машина...

Он уселся рядом со мной за компьютер и установил связь с прибором слежения в планере стажеров. До этой системы противник пока не добрался, и потому изображение и звук появились сразу. Стажеры нас, правда, не видели, но главное заключалось в том, что мы видели их. Они действительно ехали по знакомой трассе в сторону города, а на среднем ряду сидений располагалась достаточно молодая и довольно симпатичная блондинка. Красавчик одобрительно хмыкнул и направил объектив прибора на заднее стекло. Дорога позади планера оставалась почти пустой, и лишь на расстоянии полутора километров был виден силуэт потрепанного грузовичка с грудой каких-то мешков в открытом кузове. Эта картина подтверждала теорию номер один, хотя и не стыковалась с текстом сообщения. Вышло, что злодеи сначала заглушили линию, чтобы Ира не смогла связаться с нами по телефону, затем дали ей возможность

отправить сообщение через Сеть, а потом снова обрубил всюкую связь. Как это им удавалось – вопрос номер два.

Красавчик, видимо, рассудил так же, поскольку молча поднялся с кресла и направился напрямик к сейфу, в котором хранил свой секретный приборчик для экстренных перемещений. В действиях моего напарника была своя логика. Противник наверняка пропустил сообщение Иры для того, чтобы удержать нас в агентстве и беспрепятственно перехватить стажеров где-нибудь по пути или на въезде в город. Чтобы сорвать замыслы врагов, мы должны были добраться до ребят первыми, причем минуя расставленные на пути ловушки. Планер здесь подходил только в том случае, если противник не имел в своем распоряжении, например, приличного вертолета. Соревноваться с винтокрылой машиной наш летающий, но все же наземный транспорт не мог. Следовательно, оставалось прибегнуть к резервному варианту: технологиям давно забытых цивилизаций.

Я нацепил на нос интенсивно темные очки и встал подальше от всех приборов. Красавчик немного повозился с настройкой и без колебаний нажал одну из кнопок миниатюрного пульта управления телепортом. Нас тотчас охватило яркое белое свечение, и, когда оно погасло, мы плюхнулись на задние сиденья планера стажеров. Неожиданно сверкнувший за спиной сполох белого огня заставил Алексея выпустить штурвал и резко обернуться в нашу сторону. Яркий свет был способен проникнуть даже под опущенные веки, а потому разбудил и дремлющую Иру, заставив ее рефлекторно прикрыть голову руками. Лена и вовсе сползла куда-то вниз, почти под сиденье второго ряда.

– Предупреждать надо! – возмущенно сказал Кузьменко и, снова схватив штурвал, выровнял полет машины.

– Связь барахлит, – ответил Красавчик, – а иначе мы прислали бы вам уведомление на фирменном бланке по факсу.

– Что случилось? Почему такая срочность? – спросила Ира, догадываясь, что при посторонних без крайней необходимости применять самый большой секрет нашей конторы мы бы не стали.

– Во-первых, всем привет, – снимая очки, сказал я. – А во-вторых, Алексей, на следующей развилке поверни направо. Мы проберемся в город через дачный поселок.

– Там дороги еще не расчищены, – начал было Кузьменко, но, вовремя вспомнив, что планеру на антигравитационной подушке, по большому счету, никаких дорог и не требуется, замолчал.

– На трассе засада? – сообразила Ира.

– Не без того, – согласился я.

– Сейчас главное, чтобы противник не догадался, что мы его раскусили, – напряженно всматриваясь в перспективу бегущей нам навстречу ленты шоссе, сказал Красавчик.

– Как вы себя чувствуете? – перебираясь на сиденье рядом с Леной, спросил я.

Она все еще испуганно посмотрела на меня, потом на Красавчика и кивнула:

– Я... нормально, только пить очень хочется...

– Что же вы молчите? – осуждающе спросила Ирина.

Она достала из походного холодильника бутылку с минеральной водой и протянула девушке. Я дождался, пока Лена утолит жажду, и попросил:

– Закатайте рукава...

– Зачем? – Девушка отпрянула, прижимая к себе бутылку, словно я собирался ее отнять.

– Не надо бояться, – спокойно и доброжелательно сказал я, – мы не намерены вас обижать. Просто я хочу выяснить, почему вас мучает жажда. Доверьтесь нам. Мы действуем по поручению начальника уголовного розыска. Вам больше ничто не угрожает...

– Уголовного... розыска? – Лена удивленно оглянулась на Красавчика, и тот придал лицу максимально благообразное выражение. – Я ничего не понимаю... Вы меня... задержали?

– Вовсе нет, – заверил напарник, – мы взяли вас под защиту.

– От кого? – опять отвинчивая пробку, спросила Лена, обращаясь ко мне.

– Пейте, не стесняйтесь, – разрешил я. – Вы помните, где были в течение последних двух суток?

– Я? – Лена допила воду и уверенно кивнула: – Конечно...

Внезапно ее лицо приобрело страдальческое выражение. Потом она нахмурилась и спустя пару минут взглянула на меня немного виновато.

– Вспомнили? – спросил я.

– Нет, – призналась девушка. – Помню, что вошла в избушку, а потом... А потом вышла из нее и обнаружила, что на улице уже рассвело. Тут подбежали ваши сотрудники и сообщили, что меня не было два дня...

– И две ночи, – подтвердила Ира.

– И где вы были? – слегка нажал на потерпевшую Красавчик.

– Я же вам рассказала: вошла, вышла, и все... – Лена растерянно развела руками. – Извините, мысли путаются...

Я воспользовался моментом и мягко перехватил ее запястья. Она уже не сопротивлялась и покорно позволила закатать рукава своей куртки. На обоих предплечьях краснело по паре точек от внутривенных инъекций.

– Скажите честно, Лена, в последнюю неделю вам не доводилось прибегать к услугам медиков? – вежливо спросил я, указывая на следы от уколов.

– Нет. – Она удивленно посмотрела на свои руки.

– А друзья на каких-нибудь посиделках вас ничем предосудительным не угощали? – вмешался в беседу Красавчик.

– Я даже не курю, – без всякого возмущения ответила девушка, – а на то, чтобы через грязную иголку вливать в себя какую-то дрянь, не соглашусь под страхом смерти...

– Это правильно, – одобрил Красавчик. – Лучше принять несколько рюмок национального напитка, чем гробить здоровье на благо теневой экономики среднеазиатских республик.

– Я и не пью ничего, крепче сухого вина, если вы на это намекаете, – слабо улыбнувшись, ответила Лена.

– Да боже упаси! – воскликнул мой напарник. – Никаких намеков!

На самом деле он, конечно же, проверял все возможные версии, ведь то, что Лена не выглядела ни алкоголичкой, ни наркоманкой, вовсе не означало, что она таковой не являлась. В нашей практике не раз встречались внешне благополучные и даже уважаемые люди, которые исчезали на срок от пары дней до недели, а потом чудесным образом воскресали из небытия. При этом у них пропадали деньги и документы, а в памяти образовывались глубокие и необратимые провалы. Обнаружив таких любителей приключений, мы чаще всего сдавали их медикам, и те укладывали пострадавших еще на недельку – подлечиться от похмельного синдрома, отравления растворенным в алкоголе клофелином или от букета свежеприобретенных венерических болезней... Выбор курса лечения зависел от того, где мнимая жертва злодеев провела выпавшие из памяти дни и ночи.

В случае с Леной не было ни суррогатов алкоголя, ни пронырливых незнакомцев, которые предложили бы ей выпить из плохо закупоренной бутылки, а следы от уколов были единичными и на редкость аккуратными. Чем можно накачивать человека с интервалом в двенадцать часов, так чтобы он не приходил в себя, но по окончании процедур очнулся и спустя час-другой ушел своими ногами? Мои познания в фармакологии стыдливо молчали. Шанс это выяснить я решил предоставить экспертам, а сам вернулся к менее специальным деталям:

– Ира, ты записала момент появления Лены в доме?

– Я думала, ты никогда не спросишь, – с прохладцей ответила Ирина и включила повтор записи.

В избушке было очень темно, но чувствительная камера все же зафиксировала, как от дальней стены отделяется едва различимый силуэт. Сработавший датчик движения в ту же секунду зажег установленный нами для подсветки фонарь, и Лена прикрыла глаза рукой. К моменту включения света она стояла уже на самой середине дома. Никаких странностей в стене, от которой она начала свой маршрут, я не заметил. Стенка была, как и раньше, сплошной, а значит, за время нашего отсутствия никто никакой двери в ней прорезать не успел. Как в избушке оказалась Лена, оставалось загадкой.

– Та же история, что с автоматчиками, – словно отвечая на мой незадачный вопрос, заметила Ирина. – Шаг вперед – и ты в Севостьяновке, шаг назад – и ты у черта на рогах...

– Я пришла в себя, только когда зажегся свет, – прокомментировала фильм Лена. – Перепугалась до смерти...

– Мне кажется, что за нами следят, – неожиданно вмешался в нашу беседу Алексей.

Он указал вверх, и Красавчик тотчас прильнул к стеклу, рассматривая ясное голубое небо. Где-то, чуть левее очертаний первых городских построек, на высоте птичьего полета висела темная точка. Даже без бинокля было понятно, что так летать может только вертолет.

– Маршрут менять не станем, – сказал я. – В городе они будут вынуждены отказаться от помощи авиации, а с наземными группами мы как-нибудь разберемся.

– Я предлагаю нанести визит Сидорову, – вдруг высказался Красавчик. – В контору возвращаться пока небезопасно.

– Чем нам поможет майор? – задумчиво спросила Ира.

– Он засвидетельствует избавление нашей очаровательной спутницы от невзгод, и противник лишится главного козыря, – пояснил Красавчик. – Не знаю, какую организацию представляют враги, но поднимать шум они не намерены, это уже понятно, а значит, отбивать Элен у милиции не рискнут.

– Все зависит от того, насколько важные сведения может передать нам потерпевшая, – возразил я. – Извините, Лена, что говорю о вас в третьем лице.

Девушка вновь слабо улыбнулась и обхватила себя руками за плечи. Любой на ее месте чувствовал бы себя не лучшим образом. Объектом охоты быть неприятно, даже если тебя к этому готовили инструкторы лучшей диверсионной школы. Что же говорить об ощущениях обычной молодой женщины?

Алексей воспринял наши рассуждения как руководство к действию и вывел планер на дорогу, которая заканчивалась у крыльца Управления внутренних дел.

Сидоров прибыл на службу практически одновременно с нами. Его лицо, после сна еще слегка одутловатое, выражало неудовольствие. Это наверняка было вызвано тем, что мы застали его врасплох, да к тому же перед аудиенцией у начальства.

– Как вы меня нашли? – покосившись на Лену, спросил майор.

– Ты забыл, что мы телепаты? – Красавчик округлил глаза.

– Особенно ты, – огрызнулся Сидоров, – с примесью обормота...

– Ты же сам говорил, что по пятницам начинаешь рабочий день «на ковре» у генерала, – успокоил я майора. – Девица в машине...

– Я заметил, – Сидоров кивнул, – только тут одна загвоздка получается...

Он отвел меня в сторону и расстегнул потертый портфель.

– Вот рапорт от гаишников... – Майор вынул несколько листков и пачку довольно приличных фотографий.

На снимках красовалась искореженная груда металла, которая, по всей видимости, когда-то была автомобилем. Вторая фотография запечатлела «море крови» и лежащий посреди него труп. На третьей тело было заснято крупным планом. Я внимательно всмотрелся в черты лица погибшего человека и в сомнении потер подбородок.

– Вот протокол. – Сидоров протянул мне первый из листков. – Вот здесь. Читай.
– Женщина, двадцать восемь – тридцать... рост... волосы светлые, лицо овальное, глаза голубые... Похожа, конечно, но...

– Ты до конца дочитай, – предложил майор.

Я прочел фамилию погибшей и вынул из кармана документы нашей новой знакомой.

– Полная тезка, – согласился я с сомнениями Сидорова. – И похожа, как сестра. Странно...

– Не то слово. – Майор отнял у меня свои бумаги и сложил их обратно в портфель. – Я тебе ничего не показывал!

– Само собой, – ответил я. – А копий с документов погибшей у тебя нет?

– Хватит с тебя протокола, – заупрямился Сидоров, – и так слишком много узнал.

– Снова чекисты насели? – предположил я.

– Угадал, – мрачно ответил майор. – Лезут прямо под руку. За день второе дело отбирают...

– А почему стражи дорожного порядка начали терзать и тебя, и ФСБ? Разве в этом происшествии есть криминал? – спросил я немного удивленно. – Это не обычная авария?

– Как бы да, и как бы нет, – загадочно ответил майор. – Скользящая дорога, не справилась с управлением, перевернулась и в осветительный столб. По версии ДПС. Но мне их раскладка почему-то не понравилась. Ну, ты же понимаешь почему? Мы ее ищем, а она тут как тут... в собственном соусе. Странное получается совпадение. А я даже в детстве не верил ни в странности, ни в совпадения. С тех пор, как Конан Дойла начитался. Потом, стоило мне появиться поблизости от места происшествия, как тут же прискакали сотрудники вашего приятеля Павла и отняли все улики. Второй раз отняли, заметь! Про ответы на все мои вопросы я и не говорю. Они, сам понимаешь, ничем новым не блеснули: «дело государственной важности». Права погибшей спрятали, как фокусники, чуть ли не в рукав. Но я все же переговорил со спасателями, которые тело из обломков вытаскивали. Один видел ее документы и клянется, что и водительское удостоверение, и техпаспорт не наши. На наших все по-русски, а потом фамилия и имя дублируются на английском, так?

– Верно, – согласился я.

– Вот, – Сидоров снова полез в портфель, – а на ее документах все написано какими-то закорючками, а дублирующая надпись как раз по-русски. И фото не слева, а справа. А еще он подарил мне табличку из-под капота машины...

Майор поднес к моему лицу металлическую пластинку, похожую на те, что крепятся в моторном отсеке и несут на себе идентификационный номер кузова и двигателя. Цифры отличались лишь легким наклоном влево, и, возможно, их было чуть больше, чем обычно, но странным мне показалось вовсе не это. По нижнему краю таблички шли целых три строки символов, сильно напоминающих арабскую вязь. Мне сразу же вспомнился странный окурочек и то, что надпись на нем не смог прочесть именитый востоковед.

– Может быть, ее авто было эмиратской сборки? – предположил я.

– Ты думаешь? – Сидоров посмотрел на меня довольно скептически. – Тогда, возможно, ты объяснишь и какой марки была машина?

– Судя по очертаниям, что-то японское, – выдвинул я предположение.

– Вот именно – что-то. – Майор поднял вверх указательный палец. – Тот же спасатель только развел руками, а гаишники до сих пор листают автокаталоги. Теперь, правда, из чисто спортивного интереса, ведь остатки машины увезли туда же, куда и тело вместе с документами...

– Черт! – выругался я. – А Павел приедет только завтра... Без него чекисты нам не скажут ни единого слова.

– Что же он, без телефона путешествует? – удивился майор. – А как же этот, как его... роуминг во всех городах? Реклама воздуха?

– Да нет, реклама не врет, но его номер почему-то переадресован на дежурного. Видимо, наш дружище решил отдохнуть от всех и вся.

– Не похоже на него, – с сомнением сказал Сидоров. – Ну ладно, день можно и подождать...

– Если за этот день не произойдет что-нибудь непоправимое, – пожимая плечами, ответил я. – Дай мне табличку на пару минут...

– Это зачем?

– Суну ее в сканер, – пояснил я. – Очень интересно узнать, что на ней написано.

– Только мухой, а то я опоздаю. – Сидоров обеспокоенно взглянул на часы.

Спустя ровно минуту я отдал ему загадочную пластинку и вернулся в машину. Сидоров почему-то воровато посмотрел по сторонам и, спрятав улику в портфель, торопливо зашагал в сторону управления.

– Все слышали? – спросил я у своих сотрудников.

– И видели, – указывая на снимки, которые теперь демонстрировались на экране бортового компьютера, ответил Красавчик.

Никакого чуда в этом трюке не было, просто, рассматривая, я держал фотографии так, чтобы напарник мог заснять их на камеру. Прием был не самый честный, но по поводу выбора средств на войне я уже высказывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.